

МЕЛЬНИКОВА Ирина

вера, надежда, любовь

Нянька ДЛЯ ОЛИГАРХА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭКСМО»

Ирина Александровна Мельникова

Нянька для олигарха

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125216*

*Нянька для олигарха: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-23534-6*

Аннотация

Авария на переезде... Надежда не сомневалась, что она была подстроена.

Кто-то изрядно раскошелился, чтобы расправиться с этим «олигархом», как себя назвал Андрей Зарецкий.

Но почему все-таки она бросилась спасать самоуверенного мальчишку от пули киллера? Сработала профессиональная привычка, ведь Надежда – полковник милиции в отставке, только-только уволилась из органов?

Нет, она не должна себя обманывать – просто парень безумно похож на Евгения Меньшикова, первую и единственную любовь всей ее жизни. И вот теперь этот юный нахал предлагает работу: стать его консультантом по безопасности и выяснить, кто заказал покушение.

Надежда не хотела связываться с Андреем, не убедившись, что он действительно честный бизнесмен, как утверждает. Но желание увидеть отца «олигарха» оказалось сильнее сомнений...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	42
Глава 4	57
Глава 5	80
Глава 6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ирина Мельникова

Нянька для олигарха

Глава 1

– Мадам! Белье сдавайте! – буркнула за ее спиной проводница. – Через час санитарная зона, закрою туалеты! – Последняя фраза напрямую не относилась к Надежде. Проводница проорала ее для всех пассажиров вагона скорого поезда, следовавшего из Москвы в Белогорск, которые тотчас потянулись по узкому проходу и покорно выстроились в очередь в обоих концах вагона.

Не обращая внимания на перемещения за спиной, Надежда продолжала стоять возле окна и наблюдала, как мелькают мимо перелески и низкие холмы, поросшие редким лесом. На полях зацвела гречиха, начинали колоситься рожь и пшеница. Сквозь открытое окно долетали медовые запахи трав, цветов, свежего сена, которое косили на полянах крепкие, голые по пояс, мужики со вздернутыми на лоб сетками накомарников.

Она намеренно не обратила внимания на слова проводницы. До прибытия поезда на конечную станцию оставалось два часа, чтобы сдать белье, потребуется пять минут, не больше. Не надо ей напоминать, она сама привыкла ре-

шать, что и когда нужно сделать. И терпеть не могла, когда ей указывали, как в этом случае, высоким и пронзительным голосом.

В проводники им досталась явно истеричная особа. На редкость вздорная и мелочная тетка, чье приближение угадывалось по тошнотворному запаху дешевых польских духов. Она нагло не давала сдачу за постель, сэкономила туалетную бумагу и мыло, чай приносила жидкий, даже туалет в вагоне поначалу функционировал только один, пока сосед Надежды по купе, моложавый капитан первого ранга в отставке, не возмутился и не сделал ей замечание. Туалет заработал, сдачу вернули, чай, несомненно, стал крепче, а капитану выдавали с тех пор три кусочка рафинада. Но Надежду проводница моментально зачислила в стан своих врагов и не иначе, как «мадам», к ней не обращалась, хотя та как раз в конфликты не вступала, разве только намеренно игнорировала ее желание поставить всех на место и один раз вежливо напомнила, что в русском языке есть очень хорошее слово «пожалуйста».

Причина была проста, как тот же кусочек рафинада. Отставной капитан первого ранга, не скрываясь, ухаживал за своей соседкой: принес ей постельное белье и одеяло, вдвоем они обедали в ресторане, прогуливались по перрону во время стоянок поезда. А к концу вторых суток Николай, так звали капитана, подарил ей букет из полевых ромашек, которые с виду беспризорные дети продавали по вагонам. По

этому случаю они тоже на пару распили бутылку армянского коньяка, которая весьма кстати оказалась у него в чемодане.

Конечно, если ты едешь в купе один на один с симпатичным мужчиной, который положил на тебя глаз, и вдобавок распиваешь с ним вино и принимаешь цветы, ничего не остается, как лечь с ним в постель. Впрочем, Надежда не слишком препятствовала традиционному развитию событий, но проводница была другого мнения. Женщина яркая и, судя по взгляду и манерам, одинокая, не привыкшая ограничиваться в связях, она повела себя с бывшим моряком напористо, выказав явный к нему интерес еще в момент посадки Николая в поезд.

Но в этот раз ей не повезло. В соседках у капитана оказалась более молодая и красивая женщина, и проводница тотчас возненавидела ее всеми фибрами своей неприкаянной души. В тот момент, когда капитан готов был уже перейти от слов к делу, эта злыдня в форменной пилотке МПС поступалась в дверь их купе, и через минуту несостоявшиеся любовники оказались в компании двух молодых киргизов, возвращавшихся в родной Бишкек через Белогорск. Они оказались весьма милыми молодыми людьми, хорошо говорившими по-русски и угостившими их отличной дыней и великолепным виноградом, но разочарование, которое испытали капитан и Надежда, уже нельзя было ничем подсластить.

Правда, в час ночи они ушли в тамбур, где вдоволь нацеловались, но это было как-то несерьезно, и Надежда чув-

ствовала себя неловко. К тому же хождение из вагона в вагон продолжалось, хотя и менее интенсивно, в ночное время. И все проходившие мимо них через тамбур в соседний вагон окидывали парочку или многозначительными взглядами, или весело подшучивали, иногда – то были проводницы соседних вагонов – неодобрительно фыркали. В конце концов появились два сопровождавших поезд милиционера и вежливо попросили предъявить документы. Правда, ознакомившись с ними, взяли под козырек, пожелали счастливого пути и ретировались в направлении штабного вагона.

Капитан при этом крайне удивился, потому что милиционеры отнесли к Надежде с большим почтением и документы вернули с улыбкой, его же просмотрели крайне небрежно.

– Совсем молодые ребята, – сказал он, заталкивая удостоверение в карман спортивного костюма. – Еще не потеряли уважение к учителям.

Надежда уставилась на него.

– При чем здесь учителя? – спросила она, недоумевая. – Или ты принял меня за учительницу?

– А что? Разве не так? – поразился Николай. – С характером, милая, неглупая! Настоящая учительница литературы или истории. Математички – они жестче, а химички – те вообще форменные зануды.

– Господи! – Она закрыла лицо руками и спросила, задыхаясь от смеха: – Николай, ты когда в последний раз встречался с учителями?

Тот пожал плечами, абсолютно ничего не понимая.

– Лет двадцать назад, если не больше. А что?

– Дело в том, что я не учительница, – она вытерла выступившие от смеха слезы на глазах. – Но, честно скажу, ты мне очень польстил. Учительница литературы... – она вновь рассмееялась. – Истории... Знал бы ты, какие истории мне приходилось выслушивать.

Тогда наконец до капитана дошло, и он с некоторым сомнением в голосе спросил:

– Так ты милиционер? Следователь? Или судья?

– Нет, – покачала она головой, – не следователь. И не судья... Но более двадцати лет отпахала в уголовном розыске. А последние семь лет служила его начальником...

Моряк на мгновение потерял дар речи. Но очень быстро нашелся и обнял ее.

– Что ж, это только подбавило перца в кровь! Надеюсь, мы встретимся в Белогорске? Никогда еще не влюблялся в начальника уголовного розыска.

– Тебя потянуло на экзотику? – весело осведомилась Надежда.

– Отнюдь нет, – неожиданно серьезно ответил моряк, – я сразу почувствовал, что ты необыкновенная женщина...

– Необыкновенная учительница литературы? – снова рассмееялась Надежда.

– Врать не стану, мне очень хотелось узнать, чем ты занимаешься. Но ты молчала, а я никак не мог выбрать подходя-

щий момент, чтобы спросить об этом. – И тут же, без перехода, поинтересовался, глядя ей в глаза: – Скажи, ты замужем?

– Нет! – ответила она быстро и отвела взгляд в сторону. – Но это ничего не значит. В Белогорске я проведу не больше суток, а затем уеду в Прохоровку, это село в предгорьях Алтая. Я не была дома тридцать лет. Меня там уже мало кто помнит... Затем я снова вернусь в Путиловск... Через несколько часов мы с тобой расстанемся, а через пару недель вовсе забудем друг о друге. И, скорее всего, никогда больше не встретимся. Ни мне, ни тебе это стопроцентно не нужно. Видишь, я даже не спросила тебя о семье, потому что у меня нет никаких иллюзий в отношении тебя.

– Понимаю, – кривая усмешка скользнула по губам моряка. Он пожал плечами. – Как я мог принять тебя за учительницу? У тебя же ментовский взгляд, и рассуждаешь ты цинично, как и подобает сотруднице милиции. Одного не понимаю, ты ведь была готова переспать со мной? Ведь все шло к тому, и если бы к нам не подселили киргизов...

– Чему ты удивляешься? – изумилась Надежда. – Тому, что я называю вещи своими именами, или тому, что хотела прыгнуть к тебе в постель? Но разве мы не взрослые люди, чтобы позволить себе поступать против устоявшихся норм?

– Мне кажется, ты слишком часто поступала против устоявшихся норм, – бросил с досадой капитан и закурил.

– Ты имеешь в виду, что я спала со всеми подряд? – вкрадчиво спросила Надежда. Бывший каперанг не знал, что хоро-

шо было известно ее сослуживцам и подчиненным. Подобные нотки в голосе полковника милиции Надежды Карасевой означали одно: приличную головомойку, но в этот раз она сдержалась. Все-таки Николай был ей симпатичен, и не стоило омрачать скорое расставание банальной ссорой. – Хотя какое мне дело, что ты считаешь? – сказала она небрежно и посмотрела на часы. – Третий час... Пора спать... Ты идешь?

– Нет, я еще покурю, – сдержанно ответил капитан, и Надежда поняла, что он не на шутку обиделся.

Но извиняться не стала. Что такое особенное она сказала, чтобы он на нее обиделся? Озвучила то, что понятно при любом раскладе. Все, как есть на самом деле! Ни прибавить, ни убавить!

– Спокойной ночи! – беззаботно попрощалась она и направилась в купе, хотя знала: спокойной ночи у нее уже не будет. Чего скрывать, капитан ей понравился больше, чем следовало. И она искренне жалела, что им придется расстаться. Но ни при каких обстоятельствах не призналась бы в этом. Зачем подвергать себя соблазнам? Мужчины, как правило, быстрее забывают о мимолетных связях и не воспринимают легкий дорожный флирт как повод для продолжения знакомства. Она уже не в том возрасте, чтобы мечтать о великой любви и неземной страсти. Была в ее жизни и великая любовь, и неземные страсти. И что из того? К сорока пяти осталась у разбитого корыта и рада, если на нее обратит вни-

мание какой-нибудь стареющий ловелас.

Конечно, она несколько преувеличивала, бывший капитан первого ранга никак не смахивал на ловеласа, тем более стареющего. Но легче быть безжалостной к себе, чем обманутой в своих лучших ожиданиях...

Надежда всегда считала себя сильной женщиной. Она многого добилась в жизни, правда, не обошлось без потерь, весьма горьких и болезненных. Но в отличие от большинства своих знакомых, она никогда не превращала их в трагедию. «Все хорошее не может длиться вечно, – привычно утешала она очередную приятельницу бедолагу, – а плохое – это урок, который научит нас ценить и беречь то хорошее, что мы обычно не слишком ценим и бережем!»

Да, она умела найти слова утешения, которые не смахивали на соболезнавание. Впрочем, она могла и отругать как следует, когда понимала, что надобно изрядно встряхнуть зареванную жертву мужского коварства, вернуть ей здравость рассудка и понимание, что ни один мужик на свете не стоит того, чтобы из-за него топиться в пруду, забывать о полугодовом отчете или ребенку в летнем лагере.

Она всегда вела себя достойно, отчасти к этому обязывала профессия, мужская, по сути, профессия сотрудника уголовного розыска. Следует заметить, что женщин в оперативных службах не любят и при случае всяческими способами пытаются от них избавиться. С Надеждой Карасевой это не получилось даже у самых крутых начальников. С первых дней

своей службы в милиции она добилась того, что с ней считались. И когда через четыре года после окончания Саратовской средней школы милиции ушла в декрет, то уже через три месяца вернулась в свое подразделение, которое занималось грабежами и разбоями. После рождения дочери Надежда не помнила ни одного дня, чтобы ей не позвонил домой кто-нибудь из начальства или из сослуживцев и не справился бы, каково ее самочувствие, и не могла бы она на часок объявиться на службе, дескать, возник очередной *вопросик*.

Пока она разбиралась с *вопросиками*, а их порой набиралось под дюжину и больше, кто-нибудь из коллег катал по коридорам управления коляску с Женькой, пел прокуренным басом «Наша служба и опасна, и трудна...» или «Таганку», под которую она засыпала с большим успехом. «Мурка» же и «Гоп со смыком» приводили малышку и вовсе в полнейший восторг, особенно, если сопровождались треском погремушек и ударами в детский бубен. Всех сослуживцев матери она с малолетства числила в своих друзьях и только годам к пятнадцати научилась понимать, что улыбки и ласковые речи – отнюдь не показатель доброжелательности и искренних отношений.

С младенчества Женька привыкла созерцать окрашенные в унылые тона стены уголовного розыска и постоянно протекающий, в желтых пятнах потолок. Привыкла к круглосуточному садику и школе с продленным днем, научилась спокойно воспринимать частые отлучки матери, порой на двое-

трое суток, и поэтому оказалась более приспособленной и подготовленной к взрослой жизни, чем ее сверстники.

Дочь и мать вместе посещали спортзал, и в шестнадцать лет Женька уже играла в волейбол за сборную управления в одной команде с матерью. Она безропотно сносила полтора месяца летних спортивных лагерей, потому что знала: следующие полтора месяца они проведут с мамой на море или в турпоходе. Женя росла славной девочкой: послушной, заботливой, ласковой – и при кажущейся нежности и даже хрупкости умела постоять за себя. А в девятом классе вдруг увлеклась дзюдо и призналась матери только тогда, когда выиграла молодежное первенство области, и ее направили на зональные соревнования, на которых Женька, к слову, тоже победила.

Вероятно, по этой причине Надежда не впала в столбняк, когда ее единственная дочь, закончив с золотой медалью элитную городскую гимназию с уклоном в экономику и иностранные языки, заявила о том, что намерена поступать в юридический университет МВД, так как жаждет служить в милиции, и только в милиции. Мать пыталась ее отговаривать, но Женька уперлась и ни о чем более престижном и перспективном даже слышать не желала. Причем служить она намеревалась исключительно в угрозыске, в крайнем случае в УБЭП. Ее доводы подтверждали, что дочь неплохо разбирается в обстановке, ведь что ни говори, но борьба с экономическими преступлениями как никогда злободневна

и важна для общества.

В июле – августе Путиловск потрясли серийные убийства, затем объявилась заезжая банда, поэтому Надежда, как ни хотела того, не сумела поехать с дочерью на вступительные экзамены в областной центр, где находился университет, бывшая школа милиции, которую закончили многие ее сослуживцы. Женя, как медалистка, сдавала всего один экзамен, справилась с ним на «отлично». И вот уже вскоре должна перейти на пятый курс, по-прежнему не доставляя Надежде забот и огорчений. Вероятно, она понимала, что у матери хватает неприятностей на службе, но, скорее всего, Надежде просто повезло с дочерью. Она давно уже смирилась с мыслью, что оперативная работа несовместима с удачами в личной жизни. Смирилась и не верила, что в будущем что-то уже изменится.

Полтора года назад в ее жизни произошло самое неприятное, что может произойти с полной сил, здоровой, красивой и, как ей всегда казалось, довольно молодой женщиной. Ее отправили на пенсию. Для Надежды этот приказ начальника областного управления милиции оказался сродни удару молнии. Ее взяли, как паршивого щенка за шиворот, и выбросили на обочину жизни. У нее хватило бы сил, здоровья, опыта и сноровки проработать еще лет пять как минимум. Но победил мужской шовинизм. В областном управлении на нее уже несколько лет посматривали косо, но придрататься ни с какой стороны не могли. У Путиловского угрозыска всегда

был самый высокий показатель раскрываемости преступлений, даже таких безнадежных, как карманные кражи, воровство электропроводов и хищения домашнего скота.

Она сама очень успешно работала по убийствам и особо тяжким преступлениям и имела непререкаемый авторитет не только среди коллег, но и у тех, с которыми денно и нощно боролась. Она сбилась со счета, сколько раз ей угрожали, предлагали успокоиться, серьезно предупреждали и пытались подкупить, и каждый раз напрасно, отчего в определенных кругах ее прозвали Багирой. Возможно, за смуглость кожи и черные как смоль волосы. Возможно, за особый талант раскалывать даже идущих в полный отказ преступников. Возможно, за умение в нужный момент показать зубы...

На первый взгляд мало кто мог заподозрить в ней сотрудника милиции. Неудивительно, что капитан тоже не стал исключением. Она умела расположить к себе кого угодно – улыбка у нее была просто потрясающей. И глаза... На эти глаза покупались абсолютно все, кто ее видел впервые, и только потом кое-кто воочию убеждался, что они могут наливаться гневом и темнеть, как темнеет грозовая туча, предвещающая громы и молнии. И только по телефону она совершенно не научилась разговаривать, не сумев даже за двадцать лет службы выработать командирский голос. Вероятно, потому, что так и не прибавила в весе, а форма была лишь на размер больше размера ее дочери.

– Это что за секс по телефону? – осведомился у ее зама

Виктора Первушина новый начальник управления, когда она первый раз ответила на его звонок. Услышав в трубке подвечий звонкий голосок: «Полковник милиции Карасева...», генерал не понял, бросил в сердцах трубку и накинулся теперь уже на Первушина. — Девочек развели в оперативном подразделении? Бордель! Где Карасева? Почему не на службе?

Конечно, недоразумение тут же разрулили, но с тех пор генерал посматривал на Надежду с подозрением, и как только представился случай, нашел ей замену — сына своего одноклассника по Омской школе милиции.

Надежда подозревала, вернее, почти не сомневалась, что существовал еще один подводный камень, о котором генерал не посчитал нужным упомянуть при последней встрече. Он старался быть деликатным и объяснил Надежде, что это приказ высшего руководства — не назначать женщин начальниками оперативных служб. Она и без него все знала, и все же было очень обидно, очень! Надежда действительно никогда не давала поводов, чтобы ее обвинили в слабости, неисполнительности и в неумении управлять своевольной ордой молодых крепких мужиков. Рука у нее была железной, и вожжи она никогда не выпускала, правда, ругалась матом редко. И если вдруг взрывалась, то сослуживцы знали: дела обстоят, хоть святых выноси...

А в жизни случалось всякое! Однажды Надежда целый месяц спала с пистолетом под подушкой, потому что главарь одной из банд, по информации доверенного лица, заявил

в близком кругу, что не успокоится, пока не поквитается с этой ментовской сукой. Начальник криминальной милиции полковник Богучаров велел ей не подходить к двери, если кто вздумает звонить в нее ночью.

Тогда все обошлось, но трижды она была ранена при захвате особо опасных преступников, один раз – очень серьезно, после чего три месяца отлежала в госпитале. И едва подлечившись, возвращалась в угрозыск. Тогда ей казалось, что сослуживцы и начальство ни дня не способны прожить без нее, *вопросики* возникали даже тогда, когда она лежала в реанимации с простреленным легким.

Но бывали и радостные моменты, связанные обычно с успехами дочери, задержанием очередного преступника, ростом процента раскрываемости преступлений... Правда, она не слишком любила праздники. И не только потому, что в эти дни резко возрастала преступность. Тогда ее без лишних церемоний поднимали в ночь-полночь с постели или отрывали от духовки, в которой жарилась курица или готовился любимый дочкин торт «Прага».

Праздники она всегда проводила одна по той причине, что одиноких подруг не имела, а в кругу чужой семьи чувствовала себя неуютно. Особенно если на вечеринку собиралось несколько семейных пар. В конце концов начинались тихие недовольства, ревности и семейные разборки. Подвыпив, мужики принимались наперебой приглашать ее танцевать, что тут же пресекалось их сверхбдительными супругами.

ми. Поэтому Надежда раз и навсегда прекратила визиты в семьи женатых друзей.

Правда, традицию «выставляться» по поводу присвоения очередного звания или получения награды не пресекала и от участия в подобных мероприятиях не отказывалась. Пару-тройку раз пригубив спиртное, она оставляла парней догуливать под их честное слово, что никаких дебошей, завалящих прогулов и разборок с местными торговцами дешевой водкой они себе не позволят.

Но именно с этой традицией был связан тот самый «подводный камень», о который она так неосмотрительно споткнулась, поставив крест на своей карьере...

Начальник областного управления уголовного розыска, ее ученик Вадим Рубич получил звездочку полковника, и это знаменательное событие обмывали в популярном ресторане «Кутаиси». Она пообещала заехать на полчаса поздравить и вернуться в Путиловск. Ее ждали неотложные дела: ночью готовился захват банды налетчиков на элитные квартиры. Но так получилось, что впервые захват прошел без нее.

На торжествах присутствовал сам генерал, начальник управления. Выпив несколько рюмок коньяка, он вдруг проникся к Надежде теплыми чувствами, хотя поначалу посматривал на нее настороженно, если не подозрительно. И, может, второй или третий раз в жизни Надежда показала, на что способна. Она еще со времен юности великолепно танцевала, особенно вальс и танго, потому что занималась в сту-

дии бального танца ткацкой фабрики, где начинала трудиться сразу после окончания школы. Правда, об этом мало кто знал, но ее таланты заставили всех забыть о причинах и виновнике торжества, а она, редчайший случай, позволила почувствовать себя единственной и неповторимой, благо что других женщин на вечеринке не было...

Надежда станцевала со всеми коллегами по очереди и даже рискнула исполнить «Лезгинку» на пару с толстым и неуклюжим замом по тылу Водопьяновым. Затем она пела дуэтом с Рубичем, а после с начальником штаба Захарьевым русские романсы под гитару и под фортепьяно и в конце концов поднялась на крохотную эстраду и спела уже одна: «Мне нравится, что вы больны не мной. Мне нравится, что я больна не вами...», при этом, спяну, наверное, она в упор смотрела на генерала, и он не выдержал, бедный, опустил взгляд...

Словом, она доигралась, допрыгалась, так сказать... Генерал предложил довезти ее до Путиловска. Что ж, сорок километров – не расстояние, тем более за рулем находился водитель начальника Гена... И она опять же под влиянием винных паров, а скорее от чувства эйфории, что сумела смутить самого генерала, которого в управлении боялись не меньше шаровой молнии, согласилась...

А начальник, оказалось, был, как курок, на боевом взводе. Гене пришлось ночевать в машине на стоянке, а у Надежды случилась одна из лучших ночей в ее жизни. Они почти не

разговаривали, но разве нужны слова, если мужчине и женщине хорошо вместе? Но утром генерал не смотрел ей в глаза, ретировался в пять утра, даже не выпив чаю, а через месяц нашел ей замену в лице молодого сотрудника.

Конечно, Надежда никоим образом не надеялась на продолжение отношений, но была потрясена их итогом. Она не привыкла жаловаться, да и кому можно было пожаловаться, что с ней обошлись, как с грязной ветошью: использовали и выбросили. В ту ночь она впервые плакала в подушку. По правде, в самом укромном уголке своего сердца она хранила надежду, что генерал все-таки вспомнит о той ночи и как-то объяснит свое решение.

Что скрывать, он ей понравился сразу, с первой встречи два года назад во время представления личному составу в зале коллегий областного УВД. В то время еще полковник, Михаил Викторович Лихоносов был от природы светловолосым и кареглазым, высоким и широкоплечим, смуглым, но от загара, потому что много времени проводил вне кабинета в бесконечных поездках по области.

Через полгода он получил звезду генерал-майора, но на празднества по этому поводу Надежду не пригласили. За столом присутствовали лишь его замы да областное руководство. Но тогда Надежда узнала, что у Лихоносова – молодая жена, лет на двадцать его моложе, паспортистка визовой службы в том городе, где Лихоносов до недавнего времени работал начальником криминальной милиции.

Тетки из канцелярии владели всей информацией и рассказали Надежде, впрочем, как и всем, кто того пожелал, что ради паспортистки их новый начальник бросил жену с тремя детьми, а от новой имеет сыновей-близнецов, двух лет от роду. Тем более было непонятно, почему он вдруг так стремительно бросился в ее объятия и любил, как человек, давно не имевший женщины?

А может, ей показалось, и она зависила его способности, потому что сама уже не помнила, когда в последний раз спала с мужчиной, хотя бы для здоровья, как любила говорить ее соседка Зоя. А вот последующая его реакция: слишком старательно делать вид, что ничего вообще не случилось, — была как раз той самой, которую она ожидала. Но никак не думала, что от нее поспешат избавиться. Вероятно, чтобы не было повода вспоминать о своем недостойном поступке, чтобы забыть о проколе, который мог дискредитировать генерала перед лицом областной общественности, вызвать нежелательные слухи и сплетни.

Надежда даже не терялась в догадках, как это свойственно отвергнутым женщинам. Она сама строила свою карьеру и понимала, каких усилий стоило Лихоносову пробиться наверх, а, по слухам, он метил еще выше, в Москву, и никак не мог позволить себе запятнать мундир аморалкой. Впрочем, сейчас это называют «нескромным поведением», но в любом случае, даже если ты кристально чист и идеален как руководитель, но у тебя нет мощного трамплина в лице вли-

ятельных родственников или друзей, столичный Эверест не осилить, споткнешься еще на подступах к нему.

Правда, по тем же слухам, Лихоносов мечтал о менее высоких вершинах, порядка пика Победы или даже Эльбруса, но и туда путь мог быть заказан из-за пустяшной, казалось бы, ошибки...

Вот эту ошибку и подчистили... Вручили на память о боевом милицейском братстве стиральную машинку «Индезит», с пяток голландских роз, памятное письмо с благодарностью министра, а наутро Надежда сдала куда следует табельное оружие и удостоверение сотрудника милиции, пожала руку молодому наследнику, попрощалась с бывшими замами и вышла из здания городского ОВД в никуда...

Глава 2

Ночью она не спала – почему-то размолвка с капитаном ее огорчила больше, чем полагалось. В такие минуты сильнее всего чувствуются обиды и одиночество. Она лежала на полке, уставив глаза в темноту. Наверху похрапывали киргизы. В купе было душно, приторно пахло дыней... И резко – молодым киргизским потом, но ей не хотелось вставать, чтобы приоткрыть дверь и хоть на время избавиться от подобных «ароматов». В темноте она чувствовала себя более защищенной, чем на свету, как истинная кошка, как Багира...

Николая долго не было. Наконец он вернулся. Надежде показалось, что повеяло дешевыми духами. Но не придавала этому значения, лишь затаила дыхание, чтобы не выдать, что до сих пор не спит.

Капитан долго возился в проходе между сиденьями, раздеваясь и шепотом чертыхаясь, когда задевал столик или верхнюю полку. Затем он лег, но тут же сел и потянулся за бутылкой с минеральной водой. Долго пил жадными глотками.

Надежда лежала, ожидая, чем это закончится. Ничем! Правда, капитан, отставив бутылку, склонился к ней через проход и спросил громким шепотом:

– Ты спишь?

Она не ответила, и Николай тотчас отвалился на подушку.

Не прошло и минуты, как бывший капитан засвистел носом.

Но Надежда, как ни силилась, долго не могла заснуть. И лежала, подложив руки под голову, и смотрела в черноту перед собой...

После отставки она долго пыталась найти себе занятие, которое соответствовало бы ее прежнему темпу жизни, опыту и образованию. Ей предложили теплое место в одной из адвокатских контор, которую возглавлял бывший прокурор города, но Надежда не проработала в ней и полугода, хотя заработала за это время больше, чем прежде за три года вместе с премиями и тринадцатой зарплатой. Конечно, ее поступок выглядел донкихотством, но она отказалась защищать крупного банкира, который заказал двух своих конкурентов.

Их не успели убить только по той причине, что бывшие подчиненные Надежды очень оперативно сработали и схватили киллеров на месте преступления, когда те закладывали мины под днища автомобилей своих жертв. Нет, это было не в ее правилах защищать тех, кого она всю жизнь старалась упрятать за решетку. Она так и заявила бывшему прокурору и ушла, не дождавшись выплаты гонорара за последнюю работу.

Затем она пыталась организовать частное детективное агентство и даже получила лицензию после долгого хождения по мукам, вернее, чиновничьим кабинетам. Но, в конце концов, следить за неверными мужьями и женами тоже оказалось выше ее сил. И Надежда, передав бразды правления

соучредителю, решила все бросить и за месяц до того, как ее дочь должна была сдать последний экзамен за четвертый курс университета и приехать домой на каникулы, отправилась в утомительное путешествие на поезде, чтобы проведать могилы матери и отца в Прохоровке. К тому же она давно хотела побывать и, если получится, провести несколько дней в Белогорске – в городе, где прошла ее молодость, где она встретила и потеряла свою первую любовь...

Они познакомились на танцах. Надежда – новоиспеченная студентка вечернего отделения техникума легкой промышленности, Евгений – курсант Новосибирского военно-политического училища. Он был в гражданском, выпил немного пива, но сразу выделил ее взглядом из кружка девчонок, ее подружек. Тогда она не умела танцевать и застенялась, когда высокий красивый парень подошел и пригласил ее на медленный танец. Со страха она потеряла дар речи и лишь молча покачала головой, отказываясь от приглашения. Возможно, согласись она с первого раза, больше он бы не пригласил ее... Но она отказала ему три раза. И лишь на четвертый призналась шепотом:

– Я не танцую...

Надежда прикусила губу, чтобы сдержать слезы. Почти тридцать лет прошло с тех пор, но она не забыла ни его лица, ни его голоса. Почти тридцать лет она хранила черно-белую фотографию, единственную память о своей первой любви.

И сейчас она тоже была с ней... И не было дня, чтобы она не вспомнила *его*, не бросила хотя бы короткий взгляд на до-вольно потертый уже снимок...

Именно с ней, с ее первой любовью, были связаны самые горькие моменты в ее жизни. Первый, когда узнала, что он женится на дочери генерала, возглавлявшего Сибирский военный округ; второй – когда Евгений приехал в Саратов, нашел ее в школе, но он не знал, что Надежда уже неделю была замужем за Карасевым...

Карасев... Он был красивым, сильным парнем. Девчонки с обоих курсов средней школы милиции были влюблены в него по уши. А он мог выбирать, хотя претенденток на его сердце было не слишком много, человек двадцать на всю школу. И он, кажется, переспал со всеми подряд, прежде чем остановил свой выбор на Надежде.

Высокая, стройная, с темной гривой волос, внешне она очень выгодно отличалась от других курсанток, и когда шла в форме по городу, вся его мужская половина дружно поворачивала головы ей вслед. Но она ни с кем не дружила, сторонилась шумных компаний, подруг не заводила. Девчонки шептались и передавали друг другу на ухо истории о ее несчастной любви.

Вариантов было много, но ни один не совпадал с реальным. Курсантки были правы в одном: ее любовь и впрямь оказалась несчастной. Впервые в жизни ее предали, а в юном возрасте это смерти подобно. Надежде казалось, что она на-

вечно умерла для любви, а тот огонек, который всегда в ней горел, который привел ее в милицию, словно накрыли колпачком, и от него остался лишь коптящий фитилек.

Училась она очень хорошо, старательно осваивала профессию оперативника, но тот энтузиазм, с которым она работала в народной дружине и в комсомольском оперативном отряде, ловила карманников и воевала с дебоширами и пьяницами на родной ткацкой фабрике и в общежитии, участвовала в рейдах по притонам, подвалам, шефствовала над трудными подростками, тоже остался в прошлом.

Она уже не плакала по ночам, как прежде, но все так же, ругая себя и обзывая «последней дурой», тайно ждала, что ее Женя вспомнит о ней, вернется, напишет... Ведь он несчастлив со своей Аллой, это она доподлинно знала. Хотя никто не говорил ей об этом, а молва донесла, что Евгений служит в Москве, живет в большой квартире тестя и разъезжает на «Волге» последней модели. Но письмо так от него и не пришло, а на втором курсе за ней стал усиленно ухаживать Карасев.

Он был очень упорным в достижении цели, и если Надежда поначалу столь же упорно избегала его, то после Нового года, когда до итоговой практики оставалось два месяца, впервые согласилась пойти с ним в кино. Через неделю он сделал ей предложение, а через месяц их расписали. Домой из загса они ехали на трамвае, а на скромном вечере присутствовали всего два человека – свидетели жениха и невесты.

И, видимо, их брак был обречен с самого начала, потому что сразу после свадьбы они поселились в доме номер один на улице с подобающим названием «Кладбище», и из окна их комнаты виднелась могила Чернышевского...

А через неделю появился Меньшиков... Надежду вызвали в дежурную часть и сказали, что ее при въезде на территорию школы дожидается какой-то военный... Она бежала, не чувствуя под собой ног. И только у ворот перешла на нормальный шаг. И после поражалась самой себе, как не упала в обморок, как не разорвалось ее сердце при виде того, кого она ждала до последнего, до упора, о ком думала постоянно даже теперь, когда стала мужней женой...

– А форма тебе идет! – сказал он как ни в чем не бывало и протянул руку для приветствия.

Надежда не пожалала ее, а лишь молча стояла и смотрела на него. Они не виделись более четырех лет, а он совсем не изменился. И почему вдруг вспомнил о ней?..

– Вот выбрался в Саратов, – Евгений старался говорить непринужденно, но она по-прежнему молчала, и его глаза приобрели настороженное выражение. – Специально в командировку попросился. Тут у вас в гарнизоне такие дела творятся!

– Как ты? – наконец спросила она.

– Все прекрасно! – пожал он плечами. – Вот капитана на днях получил.

Но она и сама заметила четвертую звездочку на его пого-

нах и, так как теперь кое в чем разбиралась, поняла, что получил он ее досрочно. Впрочем, немудрено, та же молва донесла, что его тесть перебрался недавно в Минобороны...

— Погуляем? — неожиданно робко предложил он. — Ты сегодня вечером свободна?

И тогда она вздернула подбородок.

— Я — замужем! — сказала она. — И теперь моя фамилия не Забавина, а Карасева...

И ушла. А вечером впервые поссорилась с мужем...

Нет, как она себя ни успокаивала, все-таки уснула только под утро. И с трудом оторвала голову от подушки, когда в окна поезда всюду светило солнце. Капитан пил чай напротив и вежливо пожелал ей доброго утра. Выглядел он несколько помято, в глаза не смотрел, но переоделся в чистую рубашку, побрился... В купе витал запах его одеколона, благо, что киргизы куда-то улетучились, вероятно, отыскивали своих друзей-соплеменников, которых потеряли накануне в суматохе при посадке.

Надежда умылась, переоделась в джинсы, кроссовки и хлопковую рубашку с короткими рукавами. С капитаном она перебросилась едва ли десятком слов. Николай продолжал обижаться, но теперь ей были глубоко безразличны его обиды, и она уже с недоумением думала о том, как могла клюнуть на его комплименты и ухаживание. К счастью, все обошлось, и она не сможет себя упрекнуть, что поддалась со-

блэзнам и уступила едва знакомому мужчине...

Но эти мысли промелькнули и пропали, сегодня другое занимало ее голову. Впервые за многие годы она этой ночью увидела Евгения во сне... Честно сказать, от его голоса она и проснулась. Он склонился над ней, поцеловал в голое плечо и сказал:

– Просыпайся, кошка! Пора вставать...

Он выглядел точно так же, как тогда возле КПП Саратовской школы милиции. Только во сне она с ним до одури целовалась, а не прощалась навсегда. И поцелуи эти не были поцелуями молоденькой неискушенной дурочки. Она целовала его до иступления страстно, как это делает искренне любящая женщина, выстрадавшая свою любовь и воспринимающая ее как заслуженную награду за годы вынужденного одиночества.

С детства она знала эту примету – поцелуи во сне к расставанию. И все-таки почему-то он ей приснился. Давно уже Надежда не испытывала подобного душевного трепета. Она была почти счастлива. Почти... Потому что встреча произошла во сне, и у нее не было никаких оснований думать, что она когда-нибудь состоится наяву.

Лет двадцать назад она потеряла следы Евгения Меньшикова и не предпринимала ни малейших усилий, чтобы узнать о его судьбе, собрать какие-то сведения. После школы она оказалась в Путиловске, родном городе Карасева, за тысячи километров от Саратова (Белогорск и вовсе остался на краю

земли), и тем самым, казалось, навсегда вычеркнула его из своего сердца... Но в последние несколько лет вспоминала его все чаще и чаще и поняла наконец, что любовь никуда не ушла, лишь затаилась на время. Ведь и дочь назвала его именем, и единственную фотографию не уничтожила...

Неужели надеялась на чудо? Но что за чудо могло случиться, когда прошло почти тридцать лет, как они расстались? Он и думать о ней забыл в той гонке, которую выбрал взамен ее любви. Наверняка дослужился до высоких званий и постов, отрастил приличных размеров живот...

К тому же одна из приятельниц косвенно подтвердила ее догадки. Сетуя на то, что уехавший в командировку муж редко звонит домой, она заметила: «Совсем во сне его не вижу! Забыл, чертяка, или кого себе нашел для постели...» Ее слова прочно угнездились в голове Надежды. Забыл ее Меньшиков, не вспоминает, поэтому она не видит его в снах.

Правда, оставалась совсем уж крохотная надежда, что не стоит верить приметам слишком безоговорочно. Еще до развода Карасев ушел к своей любовнице, но она очень часто видела его в снах. Он тянулся к ней с поцелуями, пытался обнять, но она отталкивала его, отворачивалась от его губ и ловко увертывалась.

Даже во сне в ней продолжало жить отвращение, которое она испытала, когда узнала, что Александр встречается с молоденькой помощницей прокурора. Впрочем, тогда она не воспринимала ее молоденькой, потому что сама была всего

лишь на два года старше своей соперницы. И, конечно, не тешила себя надеждами, что Карасев думает о своей бывшей жене дни и ночи напролет. Ему было чем занять свои дни, а ночи тем более...

Тогда она впервые подумала, что судьба ее наказала, только не понимала, за что? В течение семи лет ее бросили двое мужчин. Первый – ради карьеры, второй – ради уюта и покоя в доме. Чего-чего, но этого при своей службе Надежда Карасева никак не могла обеспечить.

Прокурорская помощница выглядела обыкновенной серой мышкой, с невыразительными, слегка выпуклыми глазами. Она была абсолютно безгрудой, но с аппетитной круглой попкой. И китель на ней висел, как на вешалке, зато юбка чуть не расходилась по швам на бедрах. И, видно, не только борщами-пирогам увлекла она Карасева, если увела его от красавицы жены, которую в тот год признали «Лучшим молодым оперативником области». По показателям она обставила даже более опытных сотрудников, тем более Александра, который пребывал в любовной эйфории и тайком бежал на свидания к Галине, так звали юную сотрудницу прокуратуры.

Надежде было очень плохо в тот год, хотя свое очередное поражение она пережила более стойко, чем предательство Евгения. Может, потому, что никогда не любила Карасева столь же сильно: до потери пульса, до полного самоотречения, как это было с Меньшиковым. Когда он впервые

поцеловал ее, Надежда чуть не потеряла сознание. С Сашей все было по-другому. И он чувствовал ее безразличие, когда обвинял в том, что у нее вечно холодные губы – первый показатель того, что женщина равнодушна к ласкам мужчины...

Через два месяца после развода Карасев перевелся в область. Галина оказалась дочерью заведующего идеологическим отделом горкома партии... Но Надежда старалась не думать об истинных мотивах этой пылкой любви. Слишком все смахивало на первый вариант, но не осуждала мужа. Он и вправду заслуживал большего, чем Путиловск. Уголовный розыск был его призванием, и сыщик из него получился смелый, азартный, бескомпромиссный... Он быстро пошел в гору. И после окончания первого курса факультета Академии МВД возглавил сначала криминальную милицию соседней области, затем само УВД. После чего совершил и вовсе великолепный прыжок в Москву, усевшись в сорок четыре года в кресло начальника одного из ведущих главков МВД.

Кого-то могла поразить столь стремительная карьера парня из глубинки, но только не Надежду. Она знала: о милиции Александр мечтал с шестого класса, еще тогда, когда бегал доить коров на колхозную ферму вместо больной матери. А фильм «Ко мне, Мухтар!» был его самым любимым фильмом, который он посмотрел более двадцати раз. Потом на смену ему пришел сериал «Место встречи изменить нельзя», и Надежда знала, что Саша тайно, но очень гордился, что

внешне смахивает на Володю Шарапова.

К сорока он заматерел, потерял прежде пышную гриву волос, а взгляд стал жестче и беспощаднее, что ли. Женька даже заметила, увидев вместе с матерью по телевизору его на пресс-конференции, что Карасев смахивает на криминального лидера больше, чем те, с кем он обязан бороться по долгу службы.

Правда, дочь всегда относилась к отцу без особого пиетета: не могла простить ему, что он бросил мать на третьем месяце беременности. Надежда всячески старалась ее переубедить. Она сама виновата, при разводе не сказала Карасеву, что ждет ребенка. Но, когда он узнал, что она родила, и позвонил из области, чтобы прояснить ситуацию, Надежда очень лихо и весело объяснила бывшему мужу, что он здесь ни при чем. И дочь у нее от любовника, ведь теперь она свободная женщина и вольна завести ребенка, от кого считает нужным.

Впрочем, о том, что Карасев ее отец, Женька узнала лишь после выпускного вечера в школе. Она молча, с побледневшим лицом выслушала Надежду, и нельзя было понять, что Женька думает при этом. Затем она поднялась и ушла в свою комнату. Прошло два часа, за которые Надежда чего только не передумала. Но дочь снова появилась на кухне, где мать выкурила почти пачку сигарет. Она вытряхнула пепельницу в мусорное ведро, села напротив, погладила мать по руке и неожиданно улыбнулась:

– Знаешь, мама! Ты хорошо сделала, что не сказала ему! Он слишком легко согласился, что я не его дочь! И даже ни разу не приехал, чтобы посмотреть на меня. А вдруг я похожа на него?

– Не дай бог! – улыбнулась в ответ Надежда. – Я бы не хотела, чтобы ты даже к старости стала такой толстой и лысой.

И они расхохотались как сумасшедшие. После этого Женя никогда больше не спрашивала ее об отце, лишь выключала телевизор, если Карасев появлялся на экране. А когда мать отправили на пенсию, заявила:

– Я думаю, это *он* придумал тот приказ, что женщина не может быть начальником уголовного розыска. В пику тебе. Я знаю это, я чувствую...

– Женька, не болтай ерунду! – отмахнулась от нее Надежда. – А то у него других дел нет, как мне палки в колеса вставлять.

Дочь насупилась.

– Почему же *он* тогда за тебя не заступился?

– Посмел бы он это сделать! – Надежда засмеялась и обняла Женю. – И зачем ему это нужно? Твой отец и думать обо мне забыл. Небось не узнает при встрече! Да и вряд ли она состоится!

– Как же! – дочка окинула ее скептическим взглядом. – Дождись! Во-первых, ты нисколько не изменилась, во-вторых, сейчас ты выглядишь гораздо лучше, чем в молодости. В-третьих, – последнее заявление Женя сделала с особым

торжеством, — когда меня в университете спрашивают, не родственник ли мне генерал-лейтенант Карасев, я отвечаю, что просто однофамилец...

И Надежда поняла, что нет, не так все просто с ее дочерью. Она оскорблена и унижена невниманием отца. Но сама Надежда никогда не принижала Карасева в глазах Жени, хотя слышала о том, что он изменяет своей жене налево и направо. Легенды о его подвигах проникали даже в глубинку и обрастали такими подробностями, что им мог бы позавидовать любой Казанова.

У Галины от Карасева не было детей, хотя она лет пятнадцать подряд ездила по всяким, даже зарубежным, курортам, лежала в престижных клиниках и к каким только целителям ни обращалась за помощью, но все напрасно. Надежда не хотела думать, что бог наказал соперницу гораздо сильнее, чем ее, отняв у той способность родить ребенка, а со временем даже прониклась сочувствием к Галине. Что ни говори, у нее есть Женька, а судьба вовремя избавила от мужа, который не пропускает ни одной юбки, даже теперь, почти на пике своей карьеры.

Ходили слухи о его коррумпированности, связи со спиртовой мафией, о его внебрачных детях от молоденьких любовниц... Несмотря ни на что, Александр держался за Галину, видно, и впрямь любил ее. И это единственное, что заставляло Надежду относиться к нему с уважением. Что касается остального, она нисколько не сомневалась, Карасев сво-

его не упустит и будет брать от жизни все, пока не получит по рукам... И получил! Полгода назад его официально отправили на пенсию... Говорят, министр очень нелестно о нем отзывался и даже не приехал на проводы...

Этих подробностей Надежда дочери не сообщала. Слишком грязные были подробности, не для нежных девичьих ушей. И Надежда тихо радовалась, что бог сподобил ее вовремя расстаться с Карасевым, а все стрессы, волнения и обиды выпали на долю его второй жены. Теперь она воспринимала развод с ним как подарок судьбы...

Но, признавшись Жене, кто ее отец, она все чаще и чаще стала вспоминать другого Женю. Единственное, что она не объяснила дочери, так это происхождение ее имени. Но с того момента, еще усерднее, еще старательнее, почти с болезненным тщанием всматривалась в лица военных, если их показывали на экране, будь то Чечня, Таджикистан или зоны межнациональных конфликтов.

Один раз ей показалось, что она видит знакомое лицо. По телевидению шел репортаж из Косова, и журналист брал интервью у двух офицеров-десантников из группы российских миротворцев, но ведь Женька никогда не был десантником. Хотя в ВДВ тоже были политруки, и кому бы еще позволили дать интервью, как не офицеру, знающему, *что* нужно ответить даже на самый хитрый и коварный вопрос...

Но она застала лишь конец репортажа и потому так и не поняла, был ли худощавый подтянутый полковник с загоре-

лым и обветренным лицом ее Женькой, или она попросту приняла желаемое за действительность...

Выключив телевизор, она достала фотографию Евгения, зажгла свечи и часа два сидела за столом, пила красное вино, смотрела на снимок и плакала... Господи! Ей так и не удалось ничего забыть! И после этого она стала вынашивать мысль непременно съездить в Белогорск, пройти по зеленым улицам, по тем самым, по которым они бродили ночи напролет, и лишь под утро спохватывались, что ей к восьми на фабрику...

Вагон вдруг резко дернулся, пронзительно заскрежетали тормоза, Надежда едва удержалась за поручень... Кажется, кто-то на полном ходу сорвал стоп-кран? По коридору, с противоположного конца вагона бежала в свое купе проводница и отчаянно ругала пассажиров, которые повыскакивали из своих купе, толпились у окон и галдели, строя догадки, что же случилось. Некоторые пытались высунуть голову в окно и разглядеть, что происходит в направлении движения состава.

Поезд окончательно замедлил ход. Прекратились отвратительный зубовный скрежет и лязг, зато хорошо стал слышен возбужденный говор пассажиров и отдельные сердитые выкрики. Похоже, кто-то чуть не упал с верхней полки, а какой-то мужчина сетовал, что порезал руку, потому что в этот момент открывал бутылку пива... Проводница появилась из

купе и громогласно заявила:

– Связалась со штабным вагоном. Машина застряла на переезде. Грузовик... Рванул через пути, думал, успеет, а мотор, кажись, отказал.

– Жертвы, жертвы есть? – ринулись к ней самые любопытные.

Она в недоумении пожала плечами.

– Про то начальник поезда ничего не сказал. Машинист вроде вовремя тормознул...

Проводница направилась к тамбуру, часть пассажиров, в основном мужчины, – за ней, и она грозно прикрикнула на них:

– Не смейте выходить из вагона, отстанете. Я только посмотрю и назад.

Надежда видела, как она спрыгнула на землю и, придерживая рукой пилотку, побежала вдоль состава к тепловозу.

– Смотри-ка, сколько машин у переезда скопилось, – сказал за ее спиной капитан и неожиданно положил ей руки на плечи. – Даже братки на рожон не лезут, с чего бы это?

Она не успела приказать Николаю немедленно избавиться ее от своих объятий. Ее внимание привлекла группа людей, на которых как раз указывал бывший капитан первого ранга. Они толпились возле трех сверкающих джипов, которые съехали с дорожного полотна на обочину, но, судя по тому, что следующие за ними автомобили трассу не занимали, очереди своей уступать не собирались. Правда, и лезть вперед

не старались. К поезду подъезжал огромный трактор, вероятно, он будет стаскивать грузовик с полотна.

Надежда некоторое время наблюдала за трактором – как он пятится задом, фырча и плюясь сизым облаком отработанных газов. Возле него сустились сотрудники ГИБДД, какие-то люди в железнодорожной форме и в оранжевых жилетах ремонтников. Самого автомобиля из окна не было видно, и Надежда вновь перевела взгляд на группу мужчин возле джипов. Это были крепкие молодые ребята в темных костюмах и светлых рубашках, с короткими стрижками и японскими рациями в руках. Смотрелись они вполне цивилизованно и на бандитов походили не слишком, скорее на телохранителей какого-нибудь богатея или партийного босса.

Но кто их знает, этих богатеев и партийцев, вполне возможно, что сами они как раз из подобного контингента. Обтесались, обтерлись, приделались – глядишь, и не отличишь от вполне законопослушных граждан. Правда, физиономии, как ни скрывай, выдают пристрастия... И как тут не вспомнить антрополога и судебного психиатра Ломброзо с его учением...

Надежда усмехнулась про себя. На ней, как ни крути, тоже лежит печать прежних пристрастий, поэтому, видно, и привлекли ее внимание ребята с хорошо развитыми челюстями и мускулами. Оказывается, она не совсем потеряла профессиональное чутье и не зря, наверно, всей своей закаленной боями милицейской шкурой почувала вдруг опасность.

Теперь она не отводила от этой компании взгляда, стараясь рассмотреть, чем занимаются парни в темных костюмах.

Они стояли полукругом, загораживая кого-то широкими плечами и мощными торсами, а может, просто о чем-то совещались. И когда они вдруг расступились, Надежда не поверила своим глазам. В следующую секунду она уже мчалась к выходу из вагона, а еще через пару мгновений спрыгнула на усыпанную галькой насыпь...

Глава 3

Глубокий ров отделял железнодорожную насыпь от дороги. На дне его стояла вода, метра в полтора шириной, и это препятствие невозможно было преодолеть в прыжке. Противоположный склон рва был не менее крутым, но в отличие от насыпи – глинистым и скользким. Надежда бежала по насыпи вдоль поезда, высматривая, где можно удобнее перебраться на другую сторону. Одновременно она не выпускала из поля зрения трех телохранителей, которые сопровождали высокого молодого человека в белых брюках и тенниске. Они быстро шли к переезду, до которого оставалось метров сто, не больше. И тут Надежда столкнулась с проводницей. Та бежала навстречу ей от головы поезда и орала не своим голосом:

– Назад! Назад! В вагон! Кретинка! Куда прешь?

Надежда на ходу оттолкнула ее с дороги и тут увидела, что противоположный склон понизился, а на дне рва нет воды. Она скатилась по насыпи, хватаясь за кустики какой-то травы, вскарабкалась наверх и выскочила на дорогу прямо перед мужчиной в белых брюках. И тут же поняла, как опрометчиво поступила.

Реакция телохранителей была мгновенной. Она успела заметить лишь удивленное лицо молодого человека, вблизи он еще больше смахивал на Меньшикова, вытаращенные гла-

за его охранников и тут же оказалась вниз лицом на грязной траве обочины. Руки ей заломили за спину, и кто-то не слишком вежливо принялся обыскивать ее, задирая рубаху и лапая ее за бедра. Она негодуяще брыкнула ногой, когда с нее попытались стянуть кроссовки, и, подняв лицо, сердито прокричала:

– Идиоты! Нет у меня оружия!

– А это мы еще посмотрим, – сказал кто-то над ее головой. Ее бесцеремонно перевернули на спину. – Может, оно у тебя в белье!

– Я тебе покажу в белье! – процедила она сквозь зубы. И велела мордовороту с пистолетом в руке, ствол которого недвусмысленно уставился ей в голову: – Убери пушку! – И, сев, огляделась по сторонам.

Молодой человек в белых брюках стоял чуть поодаль и с любопытством наблюдал за происходящим. Да, он действительно был очень похож на Евгения, но она-то хороша, как могло ей взбрести в голову, что этот человек – ее потерянная любовь? За эти два с лишним десятка лет он ведь изменился, тем более что был старше ее на три года. Значит, сейчас ему около пятидесяти, а этому красавцу едва ли больше тридцати...

Телохранители продолжали держать ее под прицелом. И когда она потянулась к нагрудному карману рубахи, чтобы достать удостоверение, один из стражей в черном перехватил ее руку.

– А ну-ка, что там у тебя?

– Граната! – язвительно бросила Надежда и оттолкнула его руку. – За пазухой у девок своих ищи. – Она достала удостоверение и протянула его охраннику и, не дожидаясь помощи, поднялась на ноги.

Охранник глубокомысленно и долго изучал ее удостоверение, затем, передавая его человеку в белом, весело хмыкнул:

– Ну, дает? Пенсионер МВД. Ментура, что ли?

– Сотрудник милиции! – хмуро посмотрела на него Надежда и, нагнувшись, принялась отряхивать испачканные джинсы. Затем снова выпрямилась и сухо уточнила: – Вернее, бывший сотрудник милиции! А точнее, полковник в отставке, начальник уголовного розыска, тоже, естественно, бывший.

– Что ж тогда, как коза, через ров сигала? – поинтересовался второй охранник. – Мы ж видели, как ты с поезда прыгнула.

– Обозналась, – сказала она и посмотрела на молодого человека с ее удостоверением в руках. – Простите, я вас приняла за человека, которого знала лет тридцать назад. Одного не учла, что он не может оставаться вечно молодым.

– Сожалею, – сказал он. – Возвращайтесь к поезду, а то, кажется, это чучело сейчас окочурится от рева. – И он кивнул куда-то за ее спину.

Только теперь Надежда вспомнила о поезде и оглянулась.

Проводница стояла на подножке, отчаянно жестикулировала и, кажется, вправду, что-то кричала, но ветер относил ее крики в сторону. Чтобы добежать до своего вагона, Надежде надо было миновать не меньше семи вагонов, и она поразилась, как быстро пролетела это расстояние. Но назад добраться будет сложнее, потому что у нее исчез тот душевный порыв, который она испытала при виде молодого человека. Как глупо все получилось! Абсолютно по-детски! Вспомнила свои семнадцать лет, идиотка!

Она бросила быстрый взгляд по сторонам. За происшествием на дороге наблюдала масса людей: и пассажиры поезда, и те, кто застрял в пробке перед переездом. Ни разу в жизни она не попадала в столь нелепую ситуацию. Ее как последнюю дуреху уложили лицом в землю, да еще обыскали на виду у прорвы зевак... Расспросов теперь не оберешься, а еще придется выяснять отношения с этой чертовой проводницей...

Надежда вздохнула и посмотрела на переезд. Грузовик уже стянули с рельсов, но на семафоре горел красный свет, а возле головного вагона толпились несколько человек в железнодорожной форме и сотрудники ГИБДД. Что ж, она вполне успеет добраться до своего вагона. Еще она заметила, что дорожное полотно несколько понижалось к головному вагону, там будет легче перебраться на другую сторону.

– Извините! – она кисло улыбнулась молодому двойнику Жени Меньшикова, приняла из его рук удостоверение и

убрала его в нагрудный карман. А в следующий момент увидела двух мотоциклистов с пассажирами на задних сиденьях. С ревом они вылетели из-за крохотного леска напротив переезда и на дикой скорости рванули в сторону скопления машин, но не по трассе, а по расположенной параллельно проселочной дороге. Все четверо были одеты в одинаковые черные куртки и блестящие головные шлемы с опущенными забралами. Облако мелкой, как порошок, пыли скрывало их с головой. Но даже в этом мареве, сизом от выхлопных газов и взвешенной пыли, Надежда разглядела...

Она подскочила к «Меньшикову» и с криком «Ложись!» оттолкнула его в сторону. То ли от ее толчка, то ли реакция у парня была хорошая, но он вмиг оказался на земле. Охранник не успел ничего понять. Надежда выбила пистолет из его рук, подхватила оружие и выстрелила в первого мотоциклиста в тот самый миг, когда его напарник выхватил из-за пазухи пистолет-пулемет.

Ее пуля попала точно в грудь мотоциклиста. Он выпустил руль, нелепо взмахнул руками и повалился на седока за своей спиной. Тот перехватил руль, но успел при этом нажать на спусковой крючок. Только пули ушли в небо, а сам мотоцикл пошел юзом, упал набок, и его закрутило по дороге. Поднимая тучи пыли, он скатился на обочину. А на самой дороге остались лежать неподвижно два тела.

Второй мотоциклист, резко затормозив, заложил крутой вираж влево и, чуть не потеряв при этом седока, ушел в поле,

засеянное овсом, но через сотню метров забуксовал. Черные комья земли летели из-под его колес. И бандиты, даже не заглушив мотор, бросили мотоцикл и ринулись к ближнему лесу.

– В джип! В джип давай! – крикнула Надежда и, не вернув охраннику пистолет, бросилась к одному из джипов, который уже мчался навстречу.

Она вскочила в салон внедорожника и приказала водителю:

– Вперед! Вон за теми убудками!

Она показала в сторону двух убегающих по полю людей в кожаных куртках, которые они пытались снять на ходу. От шлемов они освободились тотчас, как расстались с мотоциклом.

Джип резво перевалил насыпь и помчался по полю, оставляя заметную колею, особенно черную на фоне ярко-зеленых посевов. Но это Надежда разглядит после. Сейчас она видела только спины мчащихся во весь опор бандитов. Тут она заметила второй и третий джипы, которые нагнали их, и, приоткрыв дверцу, закричала:

– В клещи! В клещи берем! Стрелять только по ногам!

Ее послушались. Один из джипов пристроился сзади беглецов. Второй стал обходить их справа. За рулем этой машины Надежда заметила парня в белом. Ее же машина предприняла обходной маневр слева. Беглецы замечались и несколько раз полоснули короткими очередями по машинам. Пули

противно взвизгнули, ударившись о корпус.

– Держи меня! – крикнула Надежда водителю, тому самому охраннику, у которого отобрала пистолет. Он молча об­лапил ее правой рукой, а левой продолжал крутить баранку. Теперь Надежду меньше мотало по сиденью, и она могла бо­лее тща­тельно прицелиться. Она так и сделала. И высунув­шись в окно, прокричала: – Бросай! Бросай оружие! Стре­ляю на поражение! – В ответ раздалась автоматная очередь, и пули прошли боковое стекло салона рядом с ней. Чудом только они не задели ее и водителя.

Но Надежда вновь высунулась наружу и выстрелила в от­вет четыре раза. Затем сделала паузу и снова выкрикнула:

– Соп­ро­тив­ле­ние бес­по­лез­но! Бросай ору­жие!

В ответ не стреляли. И Надежда, не дожидаясь, когда джип затормозит оконча­тельно, выскочила наружу.

Оба бандита сидели на земле, зажимая руками раны на ногах. Автоматы их валялись на расстоянии вытянутой ру­ки. При виде устремленного на них пистолета они под­няли перепачканные в грязи и крови руки вверх. Первого бандита Надежда рывком уложила лицом в пашню, вторым занялись охранники из подоспевших джипов.

Она присела на подножку одного из них и вытерла лицо тыльной стороной ладони, забыв, что до сих пор сжимает в ней пистолет.

– Эй! Отдай ствол! – к ней подошел охранник и протянул руку за оружием. Она молча ткнула пистолет ему в ладонь

и поднялась на ноги.

– Стрелков ко мне! – приказала она так, как всегда умела это делать. Сухо и резко, не давая ни мгновения на раздумья.

– Сейчас! – Охранник на мгновение вытянул руки по швам и ринулся к своим коллегам, которые тащили связанных бандитов к соседнему джипу, возле которого стоял парень в прежде белых, а теперь до невозможности грязных брюках. В руках у него был пистолет, а на лбу вспухла приличная ссадина.

Надежда быстро пошла в его сторону.

– Башку перевяжи! – сказала она сердито. – И этим отморозкам тоже раны перевяжите. Сдохнут от потери крови, потом беды не оберешься!

Молодой человек как-то странно посмотрел на нее и приказал подбежавшему к ним охраннику, без пиджака, с расстегнутой оперативной кобурой:

– Перевяжите этих сволочей, а потом отдайте даме на забаву!

– По очереди! – уточнила Надежда.

– Но... – выпучил глаза охранник. – Мы их сами прижжем!

– Никаких сами! – отрезала Надежда. – Прав у тебя нет их колоть! А у меня лицензия частного детектива. Имею право допросить по горячим следам. А то потом споются!

– Понял! – кивнул головой охранник и все же посмотрел на хозяина.

– Ладно, чего там! Валяй! – сказал тот и неожиданно улыбнулся Надежде. – А ты ничего, тетка! Молодец! Живо срубила, что к чему!

– Я тебе не тетка, а ты мне – не племянник! – сухо сказала Надежда. – Лучше бумагу найди и ручку!

Молодой человек ухмыльнулся, потянулся в салон джипа и достал кожаную папку. Открыл ее и передал ей стопку бумаг.

Надежда с недоумением посмотрела сначала на листки, затем на него.

– Так это ж документы?

– Ничего, пиши с обратной стороны.

– Но их наверняка придется передать в прокуратуру.

– А пусть читают, – отмахнулся молодой человек. – Абсолютно идиотский доклад. Теперь он никому не нужен, на совещание я все равно опоздал.

– Ну, смотри, – она подумала, что слишком быстро перешла с этим молодчиком на «ты». Впрочем, определение «молочник» не слишком к нему подходило. Но она не любила наглых молодых парней, тем более никогда бы не позволила им «тыкать». Но здесь был особый случай. Этого парня чуть было не пристрелили на ее глазах, к тому же он очень походил на Меньшикова, и это в некоторой степени его оправдывало.

– Будешь допрашивать? – справился у нее молодой человек.

– Нет, это дело следователя, я только уточню некоторые моменты, пока они не пришли в себя, – ответила она так, что у собеседника пропадало всякое желание задавать ей вопросы.

Молодой человек понял, что от него требуется свои вопросы держать при себе, и не стал стучать себя в грудь, как это бывает с людьми, свято уверовавшими в свое особое предназначение. Теперь она знала, что молодого двойника Меншикова зовут Андреем, – так к нему обращались охранники, и она удивилась панибратству, царившему в этой непонятной для нее компании. При том, что телохранители явно побаивались своего шефа, но на крутых бандитов не тянули, хотя в какой-то момент у Надежды закралось подозрение: уж не встряла ли она в разборки местных криминальных группировок.

Когда первого бандита буквально бросили к ее ногам, Надежда мрачно приказала:

– Всем отойти на десять метров!

– А мне-то можно? – ее «крестник» скептически усмехнулся.

– Тебе тоже нельзя! – ответила Надежда и обвела взглядом продолжавших толпиться вокруг парней. – Я сказала отойти! Мне надо допросить преступника.

– А кто ты такая? – вылупил на нее глаза охранник, тот самый, кому она честь по чести вернула его оружие.

Она не успела ответить. «Крестник» поднял руку.

– Ша! Кому сказал! Тет... – он покосился на Надежду. – Эта женщина кое-что умеет, заметили, бездельники? И гораздо больше и лучше, чем некоторые!

Парни нехотя, ворча и без конца оглядываясь, направились к джипам и расположились кто в салонах, кто прямо в овсах.

Надежда с сожалением посмотрела на истерзанное колесами поле и покачала головой.

Андрей перехватил ее взгляд.

– Не бойсь! Все убытки возместим, да еще от себя тракторок или комбайн подброшу!

Надежда смерила его презрительным взглядом и сказала:

– Кому-то надо повторять дважды? Мне нужно допросить преступника!

– А мне надо знать, кто меня заказал!

– На суде узнаешь! – произнесла она устало и вдруг, сузив глаза, прошипела яростно: – А ну вали отсюда! А то не посмотрю, что вокруг подчиненные!

– А что? Опять мордой в землю? – спросил он с вызовом. – Смотри, какую память оставила! – И он ткнул пальцем в ссадину.

– Ничего, до свадьбы заживет, – сказала она и спокойно посмотрела на него. – Я жду!

– Ладно, – сдался Андрей, – вижу, решила прославиться? Только напрасно все! Не расколешь ты их! Отдай лучше парням!

– Тогда придется возбуждать в два раза больше уголовных дел, причем по нескольким статьям! Разъяснить, по каким?

– Это мои дела! – буркнул сердито Андрей.

– Свои дела решай без меня, но сейчас, на твое счастье, здесь оказалась я, поэтому тебя и твоих орлов посадят за решетку чуть позже, – сухо заметила Надежда вслед молодому наглецу и повернулась к бандиту. Тот сидел, привалившись к колесу джипа, прикрыв глаза. Из-под век виднелись тонкие полоски белков.

– Будем говорить? – Надежда присела рядом с бандитом на корточки. Руки неудавшегося киллера были стянуты за спиной ремнем, и она не опасалась нападения.

Тот приоткрыл глаза, смерил ее равнодушным взглядом и, скривившись, сплюнул вбок. Затем вновь закрыл глаза.

– Требую адвоката, – сказал он лениво. – Давай мне адвоката!

– А я для тебя и адвокат, и прокурор в одном лице, – весело сказала Надежда и выпрямилась. Сверху вниз посмотрела на преступника. – Что ж, будем сидеть здесь, пока не станешь отвечать на мои вопросы. Только запомни, не сделаем через час противостолбнячную сыворотку, небо в копейку покажется. Будет так тебя ломать и крутить, дыба детской забавой покажется.

– Все равно в камере пришьют... – проговорил угрюмо бандит, кадык его судорожно дернулся.

– И кто ж тебе такое сказал? – устиво справилась Надеж-

да. – Или сам по таким делам мастак?

– Всяко бывало, – буркнул бандит и попросил: – Дай сигаретку!

– Будет тебе и сигаретка, и вода! – сказала она, заметив, как снова дернулся его кадык. – Небось горло дерет, голова кружится!

– Фашистка! – скривился бандит. – Гитлерша!

– Слава богу, грамотный! – восхитилась Надежда. – Выходит, договоримся.

– Ни о чем мы не договоримся!

– А ты не зарекайся! – Надежда пристроила на коленку папку с бумагами. – Начинай работать! Чем быстрее все расскажешь, тем лучше для тебя...

Через полчаса или чуть раньше к джипам подрулили два милицейских «жигуля» с мигалками. Приехали следователь прокуратуры и оперативно-следственная группа. Всех сразу взяли в оборот, записывали показания, брали объяснения. К ней попытались привязаться, потребовали показать пенсионное удостоверение, затем долго разглядывали его. Можно подумать, кому-то надо подделывать корочки ветерана МВД. Лучше идут удостоверения действующих сотрудников. Но свой сарказм Надежда озвучивать не стала. Тем более ее попросили предъявить лицензию частного детектива, и только тогда она пришла в себя. Лицензии у нее при себе не было. Откуда взяться этой лицензии?..

Надежда мысленно ахнула и едва сдержалась, чтобы не

выругаться вслух. Черт побери! Поезд! Она посмотрела на часы! Вот уже час или чуть меньше, как он прибыл в Белогорск! В вагоне остались ее вещи, сумочка, деньги... Она беспомощно огляделась по сторонам. Что делать? И поймала взгляд Андрея. Он стоял в паре шагов и, заложив руки в карманы брюк, с интересом наблюдал, как оперативники треплют ей нервы. Впрочем, она их действия воспринимала вполне адекватно. Сама бы крепко ухватила за жабры странную бабенку без документов...

Рядом с Андреем стоял какой-то толстый мужик в промокшей от пота рубашке и что-то оживленно говорил ему. Но ее «крестник», заметив взгляд Надежды, решительно отвел его рукой в сторону и направился быстрым шагом к майору, старшему во всей этой компании.

– Ладно, Семеныч, отпусти ее! Это мой человек! – Он приобнял Надежду за плечи. – Пошли! Сейчас отъезжаем!

– Но я пришлю вам повестку... – озадаченно проводил ее взглядом майор, но противиться, что ее умыкнули у него из-под носа, не стал.

– Мой поезд ушел, – Надежда расстроенно посмотрела на Андрея. – Там все: одежда, деньги, документы...

– Ерунда, найдем! – расплылся в улыбке ее спутник. – А не найдем, купим новое!

– Знаешь, мне не до шуток! – она сердито дернула плечом, сбрасывая его руку. – Что уцепился? Я тебе не подружка! Я тебе в матери гожусь!

– Ишь ты, матушка! – он окинул ее взглядом. – Местами еще за девочку сойдешь, если умыть и приодеть, конечно!

– Нахал! – сказала она устало. – Разговариваешь с пожилой теткой, как с ровней!

– Ладно, пожилая тетка, ты меня уже достала! – рассмеялся во весь голос Андрей. – Ты еще не знаешь, с кем имеешь дело! Я тут вместо олигарха!

– Вместо олигарха? – Надежда остановилась. – А почему вместо? Куда настоящего подевали?

– А потому вместо, что я еще не сросся с местной властью, – почти скаламбурил Андрей. – Но непременно срастусь, в следующие выборы мои люди хорошо поработают, гадом буду, если не срастусь! А можно жениться на подходящей телке...

– Я тебя умоляю! – Надежда забыла об усталости. Странно, парень ей был приятен, пусть и хвастлив изрядно, но обаятелен, паразит. – Олигарх! – она покачала головой и рассмеялась. – Заяц-хвостун ты, а не олигарх! Зеленый больно! Знаешь хотя бы, что это слово означает?

– Знаю! Но это я тебе позже объясню. – Он посмотрел на часы и вдруг взмахнул рукой, как отрубил. – Все! Кончай базар! Поехали!

– Куда? Зачем?

– В Белогорск! Куда же еще! – подмигнул ей спасенный «олигарх». – Твое барахло искать! Надеюсь, что стащить его не посмеют!

Глава 4

– И что? Ты узнала, кто меня заказал? – спросил Андрей, когда вся его кавалькада двинулась с места.

Он сам сел за руль внедорожника, так что в машине они с Надеждой оказались вдвоем. Машины охраны шли одна впереди, другая позади, причем автомобили все время менялись местами. Подобные маневры навели Надежду на мысль, что ее «крестник» серьезно озабочен проблемами собственной безопасности. И еще до того, как он задал этот вопрос, Надежда поняла, что приглашение проехаться в машине на пару с ним, без свидетелей, вызвано единственно страстным желанием выведать, что она успела узнать у несостоявшегося киллера.

Впрочем, напрасно он суетился. Ее желания в этом плане не совпадали с его жадной познания. Она не слишком переживала, что всю дорогу ей будут докучать вопросами, возможно, угрожать, – Надежда знала, как противостоять соблазнам, даже если они явятся в образе толстой пачки купюр. И жалела не о том, что согласилась на предложение Андрея доставить ее без проблем в Белогорск. Ее почему-то беспокоило, что она не сумела допросить второго соискателя на сто пятую, часть 2, статью Уголовного кодекса с весьма неприятными пунктами «ж» и «з»: «Убийство, совершенное группой лиц по предварительному сговору; из корыст-

ных побуждений или по найму».

И хотя Надежда успела поговорить со следователем прокуратуры и доложить кое-какие свои соображения, но делиться этими мыслями и подозрениями с Андреем не собиравалась. Равно как не открыла глаза приехавшим стражам порядка на некоторые обстоятельства. Она пока не знала, зачем они ей понадобятся, но на всякий случай решила приберечь их на будущее.

Возможно, Надежда схитрила по той причине, что не до конца еще уяснила, правильно ли она поступила, ввязавшись в местные разборки. Для нее не имело значения, бахвалится Андрей или действительно имеет какой-то вес в регионе. Его доходы тоже интересовали Надежду мало, точно так же, как род его занятий и личные проблемы. Но что-то ей подсказывало, что в недалеком будущем, если уже не в настоящем, проблем у него появится выше крыши.

Авария на переезде... Надежда не сомневалась, что она была подстроена. В нужном месте, в нужный час... Два киллера с автоматами на мощных скоростных мотоциклах. Кто-то изрядно раскошелится, чтобы расправиться с милым мальчиком Андрюшей и очень сильно рисковал, чтобы убрать обычного предпринимателя.

Конечно, многое объяснялось, если Андрей не простой предприниматель, а местный криминальный лидер, который перешел дорогу своему конкуренту в каком-либо нелегальном промысле. Хотя незаконным бизнесом занимаются не

только криминальные лидеры, а зачастую на первый взгляд очень даже законопослушные граждане. Об этом Надежда тоже знала не понаслышке. Но Андрей внешне не смахивал ни на того, ни на другого. Она не могла ошибиться. Глаза у него были по-детски чистыми и ясными, это невозможно изобразить и отработать даже годами тренировок! А еще улыбка! Открытая, на все тридцать два зуба! Так люди с нечистой совестью не улыбаются...

И все-таки его заказали... Надежда знала это абсолютно точно! Одного только понять не могла, зачем ей понадобилось ломать голову над абсолютно ненужной ей информацией? Что ей с того, есть ли проблемы у этого парня, нет ли? А может, ее просто повело не в ту сторону по той причине, что он изрядно смахивает на Меньшикова? Хотя как сказать! Вот если бы сравнить по фотографии... Она машинально потянулась за сумочкой и чертыхнулась про себя... Опять забыла, что сумка осталась в поезде...

Она бросила быстрый взгляд на Андрея. И все же, кто он на самом деле? Для олигарха мелковат вроде? Впрочем, кто их знает, этих олигархов? Посмотришь на фотографию, юнец юнцом, а уже миллиардами ворочает, миллионные сделки прокручивает... Надежда успела отметить для себя кое-какие детали: милиционеры и представитель прокуратуры разговаривали с Андреем без подобострастия, но с должным почтением. Значит, не столь велика фигура, как он сам об этом заявляет. Возможно, не приобрел еще должного

влияния – наверно, из тех мотыльков, что очень быстро сколачивают приличное состояние и столь же быстро сгорают.

Андрей заметил ее взгляд и повысил голос:

– Ты что, не слышишь? Чего задумалась? Или спишь? А то смотри, высажу по дороге! Как добираться до Белогорска будешь?

– «Будете»! – Надежда отвернулась и принялась смотреть в боковое окно. – А еще: «задумались» и «смотрите»! Надеюсь, я понятно объяснила?

Андрей с подозрением уставился на Надежду.

– Что я такого сказал? У меня мужики от радости задыхаются, когда я им «ты» говорю.

– Я не задыхаюсь, – ответила Надежда. – У меня свои принципы. И я не люблю, когда незнакомые люди с ходу обращаются ко мне на «ты».

– Что ж ты сама тогда «тыкаешь»? – справился Андрей. – Вон губернатор и то на «вы» меня величает. – И вдруг, как-то по-ребячьи виновато улыбнувшись, почти умоляюще попросил: – Да чего там, прости, если обидел. Но ты тетка... – и, заметив ее угрожающий взгляд, быстро поправился, – женщина то есть, молодая, красивая... Тебя приодеть, так за первый сорт сойдешь...

– Спасибо за молодую и красивую, – насмешливо посмотрела на него Надежда, – а за первый сорт и вовсе поклон до земли. Но, скажи честно, тебя кто-нибудь учил деликатности? Говорил, как надо вести себя с женщинами, которые го-

раздо старше тебя по возрасту?

– Знаешь, – Андрей весело подмигнул ей, – я как-то с теми, что помладше, больше общаюсь, а в конторе у меня только мужики. Бабам своих дел я не доверяю. С ними в сауне классно перепихнуться, в кабаке посидеть, ну и под одеялом, конечно, покувыркаться. А лучше вовсе без одеяла... – Он расхохотался и снова подмигнул ей. – Они любят, когда их не деликатно так, не тактично...

– Дурак ты, – Надежда поморщилась, – и язык у тебя без костей. Смутить меня хочешь? Так я, милый мой, столько грязи на своем веку навидалась, десяти экскаваторов не хватит, чтобы вычерпать. А ты еще на свете не жил, ни черта не видел, а мелешь бог знает что и рад до безумия. На твоём месте я бы помолчала и поразмышляла, почему так случилось: грузовик на переезде застрял, и киллеры появились. Причем на мотоциклах...

– Ты полагаешь, переезд заблокировали специально?

«Опять „ты“?» – подумала Надежда. Похоже, все ее нравовучения пропали даром. К тому же ей расхотелось читать ему нотации. Если человека не воспитали в детстве, вряд ли его теперь исправишь. К тому же все ей страшно надоело, она устала и желала одного – скорее доехать до Белогорска. Там будет легче. Она доберется до управления уголовного розыска и найдет, что и как объяснить коллегам. А на помощь этого желторотого нахала она совсем не рассчитывает. Самонадеянный бахвал! Проку от него, как от козла молока!

Надежда не слишком дружелюбно посмотрела на Андрея. Крепкие ладони его свободно лежали на рулевом колесе. Андрей вел машину подчеркнуто небрежно, но взгляды, которые он изредка бросал на свою пассажирку, подтверждали: он очень заинтересован в ее ответе.

Заметив, что Надежда смотрит на него, Андрей подобрался. Теперь улыбка окончательно сошла с его лица, и он требовательно переспросил:

– Специально? Да или нет?

– Я ничего не могу тебе сказать, – нахмурилась Надежда. – Тайны следствия, понимаешь? Одно скажу, все материалы я передала следователю прокуратуры. Они возбудят уголовное дело. Но не думаю, что они поделятся с тобой информацией. У тебя же на лбу написано, бросишься счеты сводить.

– Я не бандит, – произнес сквозь зубы Андрей. – И не хочешь говорить, не говори! Я и так почти знаю, кто меня заказал. Только доказательства в «воронке» увезли. Но я докапаюсь! – Он стукнул кулаком по рулевому колесу и снова посмотрел на нее. – Пойми, время уходит. Мне нужно, чтобы ты подтвердила. Мои орлы... – Он выругался. – Ладно, это к делу не относится. Но я могу тебе заплатить. Ты таких денег сроду не видала. Сколько хочешь? В долларах, в евро... Пойми, мне во как надо! – И он провел ребром ладони по горлу. – У нас ведь так, кто кого опередит! Или он, или я...

– Чем ты занимаешься? Горючкой или металлом? – спросила Надежда.

– Думаешь, с Ходорковским в одной машине едешь? Или с Абрамовичем? Похож, что ли?

– Я серьезно!

– И я серьезно! Лесом я занимаюсь. Лесозаготовки, обработка древесины, целлюлоза, гофротара... *«Сайбириан Палл Энтерпрайзес»* ... Слышала небось?

– Нет! – пожала плечами Надежда. – От леса мои интересы были далеки. Разве труп какой обнаружат в буераке... А так по грибы недосуг было съездить. Вот на лыжах показаться иногда вырывалась, да еще группу «Лесоповал» люблю слушать!

– Да! – покачал головой и усмехнулся Андрей. – Очень узкий специалист!

– А почему у твоей компании английское название? Выпендрейж? – спросила Надежда.

– Нет, поначалу у нас партнерами англичане были и австрияки, но мы их вытеснили, а то они слишком вольно себя повели... Диктовать вздумали...

– Так ты единственный владелец?

– Нет, я председатель совета директоров, нашей компании принадлежит контрольный пакет акций, а остальные – так... Блошки... Но скажу тебе, очень кусливые блошки... – Он вздохнул. – Тебе не понять. В лесной промышленности долгое время было спокойно, никаких громких разборок, дикой конкуренции, мы умели договариваться полюбовно и с акционерами, и с конкурентами, и с западными инвесторами.

– А сейчас что изменилось?

– Многое! – ответил Андрей односложно. И с нетерпением в голосе переспросил: – Так как же? Скажешь или нет?

– Прости, но я не люблю повторяться! – сказала Надежда сухо. – И не советую предлагать мне деньги. Могу рассердиться!

– Ишь ты, неподкупная! – скривился Андрей. – Можно подумать, ни разу в жизни денег не брала?

– Как не брала? Брала! У государства. Двадцатого числа каждого месяца. Немного выходило, но зато спала спокойно, – она усмехнулась. – Тебе это неизвестно?

– Почему же, известно! Я, кстати, политехникум закончил. Автоматизация и механизация лесоразработок. Технологом в леспромхозе работал. Правда, деньги тогда через пень колоду платили. Раз в полгода, а то и реже. Развалили леспромхозы, растащили...

– А ты их прибрал к рукам?

– Хочешь сказать, что захапал? Не-ет! У меня все по-честному. Вовремя скупил акции у работяг. Десяток за бутылку водки шли. Такса такая...

– И это ты называешь «по-честному»?

– А что? Не я, так другой бы подсуетился. Я хоть за наличку покупал, а кое-кто и впрямь за бутылку бодяги. И я ведь не перепродавал, как некоторые. Я ведь из дерьма эти лесхозы поднимал. И в грязь, и в снег все лесосеки объезжал, и не в этом джипе, а на драндулете, что в народе «коз-

лом» прозвали... Смотри, – он оторвал правую руку от руля и протянул ее Надежде, – видишь, мозоли? Сам за бензопилу брался и сучья рубил, когда работяги в загул уходили... Привыкли они в советские времена – норма, план... А у меня свой план: работаем до тех пор, пока весь лес по договору не отгрузим. С японцами работал, с китайцами. А они ребята ушлые, даже опилки подбирали. А потом подумал, что ж я, совсем сдурел, желтопузым по дешевке лес отдаю, столько на этом теряю. А отходы так и вовсе за бесценок шли. Закупил оборудование, то да се... Теперь у меня все в дело пошло, и навар, естественно, появился...

– Понятно! – протянула Надежда. – Капиталист, выходит?

– И что из того? Я хоть и капиталист, а против народа не иду. У меня работяги зубами и всеми конечностями за место держатся. Деньги я плачу хорошие, но насчет пьянки – ни-ни!

– И что же? Как я понимаю, у тебя теперь не один лес-промхоз?

– Стал бы я сыр-бор городить из-за одного! – самодовольно ухмыльнулся Андрей. – Их у меня только по России несколько десятков. Сейчас вот в Казахстан вошли. У них дела хуже, чем у нас, были. Сейчас развиваемся помаленьку. Целлюлозой занимаемся, бумагой, картонной упаковкой. Недавно фабрику купили по производству гофротары. Два года стояла, у меня заработала.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать девять, – усмехнулся Андрей. – Что, маловато для олигарха?

– Не в том дело, – улыбнулась в ответ Надежда. – Само слово не люблю! И к месту, и не к месту, во всех газетах, по телевизору...

– Что поделаешь, я тоже не люблю, но у нас невозможно дело вести по-серьезному, если с властью не будешь трахаться. Известно, или они тебя имеют, или ты их, за приличные бабки, естественно! Из этого дерьма все наши олигархии и произрастают. Или не так говорю? – он посмотрел на Надежду.

– Выбирать надо: или миллионами ворочать и купаться в дерьме, или оставаться нищим, но в белых одеждах. Одно другое исключает.

– Правильно понимаешь ситуацию, – выразительно посмотрел на нее Андрей, – только не знаешь, что я тоже дерьма с детства нахлебался. Мне не привыкать, но ты ведь тоже не в белых одеждах ходила. С чего тогда мораль читаешь?

– Я? Мораль? – удивилась Надежда. – Больно нужно! Таких уже моралью не проймешь!

– А чем проймешь? Пулей? – скривился Андрей. – Ты это хотела сказать?

– Отвяжись! – в свою очередь рассердилась Надежда. – И оставь меня в покое! Я ехала отдохнуть, забыть обо всем, а тут ты со своими проблемами. Скажи, мне это надо?

– Надо! – бросил Андрей. – Я тебе работу хочу предло-

жить! При мне! Телохранителем...

– Рехнулся? – уставилась на него Надежда. – Этого мне не хватало! – Она язвительно хмыкнула. – Телохранителем! Какой из меня телохранитель... Тебе что, своих амбалов не хватает? К тому же сам сказал, женщинам не доверяешь!

– А ты чего хамишь? Я ведь не каждого приглашаю, – откровенно, почти по-детски обиделся Андрей и даже покраснел при этом. Видно, привык, что от таких предложений визжат от восторга.

– С того и хамлю, что ты совсем меня не знаешь! Первой встречной предлагаешь работу. А вдруг я последняя сволочь или подстава?

– Ты меня за кого принимаешь? – покосился на нее Андрей. – Я ведь только с виду ботаник, а так порву любого...

– Ладно, – вздохнула Надежда, – вопрос исчерпан. Работать на тебя я не собираюсь. У меня квартира в Путиловске, дочь через месяц на каникулы приезжает. Побуду здесь пару недель и обратно домой...

– Подумай! До Белогорска еще минут двадцать езды, есть время!

– Все! Подумала! – как отрезала Надежда. И, выделяя каждое слово, произнесла: – *На тебя я работать не буду!* Я все сказала! Окончательно! – И не сдержалась, язвительно ухмыльнулась: – Телохранителем? Надо же придумать! Спятил, что ли?

– Да не совсем телохранителем. Понимаешь, мне нужен

человек, которому я мог бы доверять, э-э... как бы тебе сказать...

— Ну, говори! Чего там!

— А что говорить, если ты отказываешься! — Андрей махнул рукой. — Нет так нет! Только мне показалось, что тебе можно доверять!

— Первой встречной? Женщине?

— Это я уже слышал...

Некоторое время они ехали молча. С обеих сторон завиднелись дачные домишки, окруженные садами, затем пошли особняки покруче, за ними показались трубы заводов. Начинались пригороды.

Андрей продолжал молчать, а Надежда думала. Конечно, она нисколько не верила в серьезность его намерений. Кроме того, перспектива работать в коммерческих структурах никогда ее не прельщала. И по опыту знала, что успешный бизнес и соблюдение законов на деле несовместимы. Поэтому и не желала вступать в подобные авантюры, считая это не только ниже своего достоинства, но и предательством по отношению к тем принципам, которых придерживалась всю свою жизнь.

Но Андрей расценил ее молчание по-своему.

— Я хорошо плачу людям, а тебя и вовсе не обижу, — сказал он, не сводя глаз с дороги. — И с жильем проблем не будет. У нас свой городок. На днях два новых коттеджа сдаем. Один тебе выделим. А дочку, если хочешь, на море отправим. У

меня свой санаторий в Крыму. Или за границу... Кипр, Испания... Куда захочет, туда и поедет.

– Никуда она не захочет. Мы с ней полгода не виделись. А на море сами, без спонсоров съездим!

– Слушай, почему ты такая упрямая? Я тебе дело предлагаю, а ты артачишься? Цену себе набиваешь?

– Милый мой, – произнесла вкрадчиво Надежда, – ты, верно, не понимаешь, что не все продаются. Даже за бешеные бабки! К тому же я никогда не работала на хозяина! Никогда не была девочкой на побегушках! Заруби это себе на носу и отстань наконец! Я все сказала и назад свои слова не возьму!

– На хозяина... – протянул с ехидной усмешкой Андрей. – А государство, на которое ты пахала? Разве это не хозяин? Только, в отличие от меня, платило тебе копейки, ты же верой и правдой, от темна до темна... Смотрю, даже мужика не заимела...

– С чего ты взял? – опешила Надежда. – Есть у меня мужик!

– Да ладно! – махнул рукой Андрей. – Ври да не завирайся! Был бы, так первым делом про него вспомнила бы, а то *квартира в Путиловске... Дочь на каникулы приезжает...*

Он очень похоже передразнил Надежду, и она засмеялась.

– Ну, вот! Оказывается, ты смеяться умеешь, а не только рычать и драться! – Андрей отнял руку от рулевого колеса и накрыл ею Надеждину ладонь. – Ведь угадал, нет у тебя му-

жика и не предвидится, а у меня орлы, как на подбор. Глядишь, и жениха присмотришь!

– Видела я твоих орлов, – Надежда перестала смеяться и освободила ладонь. – Хватит меня сватать! Не нуждаюсь! Скажи лучше, зачем я тебе понадобилась?

– Ну, вот, другое дело, – Андрей удовлетворенно усмехнулся. – Лед тронулся... Только зачем это, если тебя ничего не интересует? Даже орлы мои для тебя не орлы...

– Из кого ты охрану набирал? Из спортсменов?

– Из них, родимых!

– Значит, кроме бицепсов, никакой специальной подготовки?

– Почему же? У них у всех есть лицензии. Обучение проходили в центре подготовки телохранителей «Кентавр». Московский филиал, кстати...

– Видела я эти центры, – вздохнула Надежда. – Подготовки – минимум, специальной тем более. И в деле твоих орлов посмотрела... Нет, милый мой, это не орлы! Это шкафы, комоды и прочая мебель... Их учили раздавать зуботычины, выбивать долги, пугать потенциальных воришек... Твои орлы, Андрюша, очень хорошая мишень. Конечно, в случае чего, они прикроют тебя своими телами. Иногда это неплохо... Но то, что случилось сегодня, никакой критики не выдерживает. Тебя ведь чуть не угрохали...

– Ну да, – хмыкнул Андрей, – и если бы ты вовремя не подсуежилась...

– Твой сарказм великолепен, но только не сейчас! – оборвала его Надежда. – Послушай, что тебе говорят старшие. Твоим парням не хватает ловкости, но более всего мозгов. Я могла бы рассказать, как целая свора подобных громил не смогла защитить одного-единственного человека, ростом любому из них по колено. Он бы под мышкой у них уместился... – Надежда махнула рукой. – Твои ребята больше смахивают на вышибал из кабака. Могучие плечи, могучая грудь... Им двери подпирать спиной, а не сопровождать своего шефа в поездках.

– Слушай, что ты мне проповедь читаешь? – рассердился Андрей. – Без тебя знаю, что толку нет. Сам убедился! Потому и прошу, и учти, я уже лет пять никого не просил, иди ко мне на службу!

– А откуда ты знаешь, справлюсь я или нет? Таких дубин учить только портить. У меня нет никакого желания заниматься с ними. К тому же истинный телохранитель никогда не кичится мышцами. Он должен быть незаметен, а не вышпаться над хозяином, как гордый и могучий кипарис.

– Кончай ликбез! – фыркнул Андрей. – Я приглашаю тебя не переучивать мою службу безопасности. Этим займутся другие люди. Ты, если согласишься, будешь работать только со мной. Для всех ты будешь вроде моего референта, и только мы с тобой будем знать, что у тебя несколько другие обязанности.

– Шпионить за персоналом? Защита коммерческих сек-

ретов?

– Нет, – поморщился Андрей, – этим есть кому заняться. Тебе не придется шпионить, хотя, – он пожал плечами, – думаю, у тебя бы получилось... И на дыбе не расколешься!

– Что ты обо мне знаешь? – вспыхнула Надежда. – Зазнай-ка! Ты видишь меня первый раз и лезешь с такими предложениями. Я могу оказаться кем угодно!

– И это мы слышали... – Андрей покровительственно хлопал ее по колену. – Уймись! Я уже понял, что у тебя за характер! Поэтому ты подходишь мне на все сто! Я не хочу, чтобы мне лизали задницу! Мне надо, чтобы не заглядывали в рот и не боялись сказать: «Андрюха, сволочь, остановись! Здесь ты совершаешь большую ошибку!» Мне нужен человек, которому я без обиняков могу рассказать все, что меня волнует. И этот человек должен помочь мне выйти из самой гнилой ситуации. Человек, которому я могу доверять, как самому себе!

– Это не ко мне! – Надежда выставила перед собой ладони. – Такой ответственности я на себя не возьму. Ищи дураков в другом месте!

Но Андрей словно ее не слышал и продолжал как ни в чем не бывало:

– Мне нужен человек, которому я могу поручить любое дело и быть при этом уверенным, что он не сдаст меня, что его не перекупят, не подольют в спиртное какой-нибудь чертовщины и не подловят на девках. Потому что на мои день-

ги всегда найдутся еще большие деньги. . . Одним словом, ты мне подходишь! Вместе с твоим гнусным характером, с твоим умением говорить всякие гадости, с твоим упрямством. . .

– О, боже! – Надежда воздела руки к небу. – Какие нежности! Не знаю даже, плакать или радоваться такой оценке моих способностей!

– Слушай, – опять покосился на нее Андрей, – но ты же в отпуске. Попробуй, может, понравится. Заработаешь прилично, бабкок хватит не только на юг съездить, но и на наряды дочке. Хорошенькая она у тебя?

– Хорошенькая, – буркнула Надежда, – но это к делу не относится.

– Студентка?

– Нет! Курсант.

– Курсант? – Андрей повернулся к ней всем корпусом, отчего джип резко вильнул в сторону.

– Смотри на дорогу! – прикрикнула на него Надежда. – И что из того, что курсант? Мать всю жизнь в милиции оттрубила, почему бы дочь туда же не пристроить?

– Ну ты даешь! – покачал головой Андрей. – Сама жизни не видела и дочке ту же судьбу приготовила, тем более хорошенькой. . .

– А ты о нас не беспокойся! Как-нибудь сами без тебя разберемся.

– Да ладно! – примиряюще сказал Андрей. – Сами так сами, но, признайся, деньги ведь тебе нужны? На ментовскую

пенсию не проживешь!

– Это точно! – кивнула Надежда. И неожиданно для себя пожаловалась: – Год уже ремонт не могу сделать. Мастера только дорогие материалы используют и за работу много берут...

– Ну вот! – обрадовался Андрей. – Поработаешь у меня! Денег скопишь! И дочке квартиру отремонтируешь, и здесь без жилья не останешься.

– Ты змей-искуситель! – вздохнула Надежда. – Фамилия хотя бы есть у тебя, олигарх?

– А как же! Зарецкие мы! Слыхала?

– Нет, не слыхала, – развела руками Надежда. – Совсем деревня, однако!

– Ладно, это мы исправим, – Андрей явно обрадовался. – У меня все по-честному! Я свое слово держу!

Надежда язвительно хмыкнула.

– Не хмыкай! Сказал, будет жилье, значит, будет! И в деньгах не обижу...

– Две недели, – перебила его Надежда, – только две недели... Не знаю, что я смогу сделать за это время... Если ты принимаешь мои условия, значит, я согласна.

– Ты не женщина, Надежда, – ласково улыбнулся Андрей, – ты – чертова баба! Сам не пойму, почему иду у тебя на поводу?

– Будь я на десять лет моложе, я бы сказала, что ты с ходу в меня влюбился, – улыбнулась Надежда. – Но я попробую

догадаться, зачем я тебе понадобилась. Скорее всего, тебе нужна нянька, слезы подтирать, утешать, от злых мальчишек защи...

Она осеклась на полуслове... И чуть не въехала лбом в ветровое стекло. Спас ремень безопасности.

– О черт! – выругался Андрей, давя на тормоз. Джип развернуло поперек дороги, и вовремя, потому что он чуть не въехал в черный «Мерседес», который, обойдя по встречной полосе переднюю машину с охраной, выскочил им наперерез. – Батя! – гневно выкрикнул Андрей и, ничего не объясняя, выпрыгнул из машины.

Надежда пыталась справиться с привязным ремнем, но тщетно, возможно, потому, что не спускала глаз с Андрея. Странно, но охрана оставалась на своих местах. И хотя все машины свернули на обочину, никто из них даже головы не высунул.

Из перегородившего им дорогу «Мерседеса» быстро выбрался высокий крепкий мужчина с короткой стрижкой и в темном костюме. Андрей чуть ли не бегом устремился ему навстречу. Мужчина схватил его за грудки и несколько раз крепко встряхнул. Оба что-то яростно кричали.

Андрей пытался оттолкнуть мужчину от себя, но тот, Надежда не поверила своим глазам, вдруг развернулся и отвисил олигарху подзатыльник. Не ударил под вздох, не свалил подножкой, а закатил затрещину. И, видимо, приличную, потому что Андрей даже присел от неожиданности. И, что еще

более удивительно, не дал сдачи.

Просто он тоже стал хватать мужчину за грудки и теснить его к «Мерседесу».

– Господи! Опять в разборки попала! – вздохнула Надежда и, открыв дверцу, выбралась из машины. – Эй, ребята! В чем дело? – крикнула она, направляясь в их сторону. – Что за шум, а драки нет?

Но мужчины ее не слышали.

– Ты! Щенок! – кричал мужчина в черном костюме. – Почему не предупредил меня? Тебя могли подстрелить! Сколько раз я тебе говорил...

Он пытался освободиться от захвата Андрея, но тот, стиснув его, как любимую девушку, в объятиях, подпихивал к машине и орал при этом не меньше:

– А кто телефон отключил? Кому было сказано, телефон не отключать?

– А тебе приспичило? – огрызался, отдуваясь, мужчина. – Ни свет ни заря умчался!

Мужчина был явно старше Андрея по возрасту. Надежда видела только его затылок, но по седине в волосах определила, что лет эдак на двадцать с гаком.

– Эй! – опять окликнула их Надежда. – Что за детский крик на лужайке?

– Гляди, – Андрей повернул к ней красное лицо, – с такими кадрами мне приходится работать! Мой начальник службы безопасности...

Мужчина попробовал вырваться, но Андрей не слишком вежливо пихнул его к машине.

– Ишь, спохватился. Я еще разберусь, почему телефон молчал. Небось твоя кошка драная опять отключила? Учти, я ей шею сверну за такие штуки!

– Не смей! – Мужчина все-таки сумел вывернуться и оттолкнуть от себя Андрея. – Не смей обзывать Татьяну. Она как-никак тебе ма... – Он развернулся всем корпусом, явив столь же красное и потное, как у Андрея, лицо. И, поправляя съехавший набок галстук, покосился на Надежду. – А это что еще?

Надежда, открыв рот, с ужасом уставилась на него. Этого она никак не ожидала!

– Это мой референт! – сухо сказал Андрей и затем кивнул на того, чей вид привел Надежду в неподдельное смятение. – Знакомься, мой батя! Легок на помине! Через два часа, – он посмотрел на часы, – нет, через три после того, как его сына чуть не угрохали. Он, видите ли, отключил телефон, который никогда – слышишь? – *никогда* не должен отключать!

Андрей сделал новую попытку схватить отца за грудки, но Надежда уже пришла в себя и встала между ними.

– Давай в машину! – приказала она сквозь зубы Андрею. – Что за потеху устроили на забаву охране? Дома разберетесь!

– Почему эта баба тебе приказывает? – выкрикнул из-за ее спины проштрафившийся папа. – Где ты ее подобрал?

– Не твое дело! – буркнул Андрей. Удивительное дело, но

он послушался Надежду и направился к своей машине. Но, оглянувшись, бросил отцу: – Ладно, поезжай! Но, зуб даю, разбор полетов устрою по полной программе! Ты меня уже достал!

Они сели в машину, но Андрей не тронулся с места, пока черный «Мерседес» не занял свое место в кавалькаде. Затем посмотрел на Надежду.

– Ты что побледнела? Испугалась, что бате морду набью? – он усмехнулся. – Стоило бы, но пока до этого дело не дошло. Батя все-таки! Мы частенько с ним бодаемся! Чубы трещат, искры снопом летят... – Андрей махнул рукой. – Да ты не бери в голову! Он у меня мировой дядька! Только мачеха из него веревки вьет. – И пожал плечами. – Только какая она мачеха? На три года меня младше!

– Он твой отец? – Надежда, кажется, в первый раз за последние четверть часа перевела дыхание. – Родной?

– Роднее не бывает! – засмеялся Андрей. – А ты сомневаешься, что ли? Так на рожу посмотри? Ведь один в один!

– Это точно! – согласилась Надежда, но на всякий случай спросила: – Как его зовут?

– Евгений! Евгений Федорович Меншиков.

– Но ты же Зарецкий? – поразилась Надежда, впервые за многие годы ощущая себя полнейшей душой.

– Эге! – весело подмигнул ее «крестник». – Мы – Зарецкие, оне – Меншиковы. Мамка, вишь, меня в девках прижила. Она буфетчицей в военном училище работала, где батя

учился. Вот и расстарались. Только батя на ней не женился, у него генеральская дочка была на примете. Словом, рылом не вышла моя маманька.

«Не только твоя маманька рылом не вышла», – вздохнула про себя Надежда и стала смотреть в окно, за которым во всей своей красе раскинулся сибирский город Белогорск.

Глава 5

Андрей приказал охранникам в одной из машин поехать на вокзал и навести справки об оставленном в вагоне багаже. Надежда пыталась протестовать, дескать, железнодорожники не отдадут вещи в чужие руки, и надо самой их забрать. Возможно, даже придется писать заявление.

Но на все ее доводы Андрей откликнулся своим коронным:

– Не бойсь! Если надо будет, позвоню кому следует!

И она перестала трепыхаться. Но почувствовала вдруг, как устала! Поэтому она махнула рукой. Раз уж сказала А, надо говорить и Б. И она согласилась. Согласилась молчать и не допытываться, куда они едут и зачем, потому что машины миновали город по окружной дороге и мчались теперь на юг. Там, на горизонте, поднимались горы со снежными шапками на вершинах.

Вскоре возникли среди леса довольно претенциозные особняки, и Надежда поняла, что их путешествие закончилось. Впрочем, догадаться не составило великого труда: в поселок вело единственное шоссе, перегороженное шлагбаумом. Из будки вышел охранник и бодро взял под козырек. Шлагбаум поднялся, машины, не снижая скорости, миновали пост охраны.

– Ты здесь живешь? – поинтересовалась Надежда.

– Не только здесь, – ответил Андрей и подмигнул ей. – Скажем так, это одно из тех благословенных мест, где я оста-навливаюсь на некоторое время.

Благословенных! Надежда скептически усмехнулась, но промолчала. Ну, нравится мальчику производить впечатление, и пусть себе! Ей же хотелось просто принять душ, переодеться (она надеялась, что обещания Андрея не пустой звук и его парни отыщут ее багаж) и поесть. Ведь она не успела даже позавтракать, а время уже шло к вечеру. Стоило ей подумать о еде, как под ложечкой засосало, и она подумала, что на пенсии изрядно избаловала себя. Прежде ей ничего не стоило обойтись в день чашкой чая и бутербродом. Просто тогда она меньше всего думала о желудке, а теперь он напомнил о себе негромким бурчанием. Надежда сделала вид, что смотрит в окно.

Но Андрей был верен себе.

– Проголодалась! – радостно возвестил он. – И молчит! Ни слова! Что ты за человек? Могли бы где-нибудь притормозить!

– Уймись! – произнесла она сквозь зубы. – Потерплю! Скажи, я смогу принять душ?

– Сможешь, – коротко ответил Андрей, – а за обедом со всем моим семейством встретишься. Батю ты уже видела, теперь с его давалкой познакомишься. С мачехой, так сказать!

– Боже упаси, – Надежда недовольно скривилась, – я совсем не горю желанием...

– Брось! – Андрей хлопнул ее по колену. – Завтра приведут в порядок твой домишко, а пока придется провести ночь в моем доме. Правда, сейчас в нем живут отец и Танька, но завтра я их сплавлю в новый коттедж. Сожалею, но некоторое время вам придется жить рядом, поэтому лучше познаться за столом, чем через забор.

– Хорошо, – вздохнула Надежда, – как-нибудь переживу!

– Ты не переживай! Танька меня боится, так что скандалов не будет! – Андрей бросил на нее быстрый взгляд. – Но после обеда поговорим по существу. Батя еще не знает, какой сюрприз я ему приготовил!

– Какой сюрприз?

– Увидишь! – коротко ответил Андрей.

И она не стала уточнять, потому что автомобиль вслед за машиной охраны въехал в массивные ворота. Дюжий охранник в камуфляже и с автоматом на груди вышел из своей будки и тоже взял под козырек. В левой руке он сжимал поводок, который удерживал за ошейник огромную черную, с палевыми лапами и брюхом овчарку.

«Да, круто!» – подумала Надежда и бросила быстрый взгляд назад. Только теперь она заметила, что «Мерседес» куда-то исчез. Но спрашивать не стала, какое ей дело, куда *он* подевался.

Андрей вышел из машины и галантно распахнул перед ней дверцу.

– Добро пожаловать в мои апартаменты!

Надежда заметила, с каким напряжением за ней наблюдают телохранители. Страдают, вероятно, от недостатка информации. Или ждут подвоха? Ведь сегодня они основательно подмочили свою репутацию, и наверняка разбора полетов не миновать. Она внутренне подобралась и тут же мысленно приказала себе расслабиться! Все! Никаких разборов! Прошло ее время! Теперь она просто-напросто референт и то на две недели!

Сердце ее сжалось! Ну зачем она согласилась? Знать бы наперед, как все обернется... Ведь кожей чуяла, что здесь что-то не так... Стоило только спросить, не ходит ли Андрей в родственниках Евгения Меньшикова, или проще, не знаком ли... И все бы тотчас прояснилось! Правда, она еще не приступила к своим обязанностям, и можно отказаться, пока не поздно... И даже причину не объяснять...

Она замедлила шаг, чтобы тотчас довести до Андрея свое решение, но он цепко ухватил ее за локоть.

– Что такое? – спросил он настороженно. – Укачало?

– Вовсе нет, – Надежда окончательно остановилась и в упор посмотрела на Андрея. – Видишь ли, я передумала... Я поторопилась... – Она прижала ладонь ко лбу и отвернулась. – Всплыли некоторые обстоятельства...

– В чем дело? – Андрей резко развернул ее лицом к себе. – Не мути! Что еще за обстоятельства?

– Прости, – Надежда помотала головой, – я не могу тебе объяснить!

– Испугалась? – высказал свою догадку Андрей. – Сдрейфила? Думаешь, буду в случае косяка на тебя, как на батю, бросаться?

– Да, сдрейфила! – Надежда постаралась скрыть, как обрадовалась этой нечаянной подсказке. – Я ведь тоже не подарок. Могу и сдачи дать! И уступать не люблю! Представляешь картинку, олигарх подрался со своим референтом.

Андрей рассмеялся и по-свойски толкнул ее в плечо.

– Кончай придуряться! Я ни с кем не дерусь и морды быю только на ринге.

– Так ты боксер?

– Боксер, – он подхватил ее под руку. – Это так, на всякий случай, чтобы не вздумала руками махать. Батя, к слову, тоже боксом занимался.

– Что ж, а я – рукопашным боем, – весело сказала Надежда и преувеличенно тяжело вздохнула. – Теплая компания подобралась.

Они поднялись на высокое крыльцо, и Андрей бросил через плечо:

– Всем – обедать и отдыхать, через два часа общий сбор!

– Андрей! – один из охранников выступил вперед. Остальные молча стояли за его спиной. – Как насчет тренировки?

– Сегодня у меня срочные дела, так что, братцы, без меня! – Андрей поднял руку вверх. – Костя, сразу после обеда зайдешь ко мне!

– Хорошо! – кивнул тот, кто спрашивал про тренировку.

Надежда оглянулась. Охранники как по команде развернулись и, точно пионеры, строем направились к небольшому, скорее всего, служебному флигелю.

– Почему ты допускаешь панибратство? – повернулась Надежда к Андрею. – Почему позволяешь окликать тебя по имени?

– Так мы из одной команды, – опешил Андрей. – Работаем вместе три года, а тренируемся все пятнадцать. Они меня без всякого уважают!

– Давай договоримся, – сухо сказала Надежда, – в семье, в теплой компании, с девушкой на пляже ты можешь позволять называть себя как угодно, но на службе: в офисе, на совещании, при встрече с деловыми партнерами – ты для всех *только Андрей Евгеньевич*, а я – Надежда Дмитриевна! Не принимаешь мое условие, расстаемся сию же минуту!

– Но ребята обидятся!

– Скажи, что тебе дороже, интересы компании или обиды приятелей?

– Они – мои друзья! Я им доверяю, как самому себе!

– Доверяй! Но скажи, кто из твоих *доверенных* людей знал, что ты поедешь именно по этой дороге и именно в это время? Когда это стало известно? До тебя дошло наконец, что нужно время, чтобы подготовить аварию на переезде, выбрать место для засады... – Она подозрительно уставилась на Андрея. – Или это твой постоянный маршрут?

– Слушай, отстань, а? – Андрей недовольно дернул плечом. – Оставь свои ментовские штучки! У меня брюхо ломит с голодухи!

– Хорошо, я отстану, но если ты пригласил работать на тебя, давай сразу расставим все точки над i.

– После обеда! – Андрей поднял руки, всем видом изображая смирение. – После обеда расставим все точки и запятые. Но сейчас никаких служебных разговоров! Разбегаемся! Я тоже хочу под душ и переодеться! Тебе покажут комнату для гостей. Люся! – неожиданно рявкнул он во весь голос. – Где тебя носит?

Из боковых дверей показалась рослая полная девушка в форменном платье и с белой наколкой в темных волосах.

– Чего кричите? – Она уставилась на Андрея по-коровьи печальным взглядом. – У Татьяны Борисовны – мигрень. Велела не шуметь!

– Мигрень? – хмыкнул Андрей. – Сейчас мы ее вылечим.

И, отстранив горничную, направился к двери, из-за которой та только что появилась. Но девушка неожиданно резво его обогнала и, расставив руки, встала на пороге.

– Не пущу! – сказала она строго. – Хозяйка отдыхает!

– Хозяйка? – Андрей застыл на месте и произнес уже угрожающе: – Хозяйка? Ну, полный звездац! С каких это пор она здесь хозяйка?

Но горничная, кажется, не слишком испугалась и позиций своих не сдавала.

– Вам она, может, и не хозяйка, а мне она деньги за то платит, чтобы не мешали отдыхать!

– Отдыхать? – поразился Андрей. – С каких великих трудов отдыхать?

– Я же сказала: мигрень у нее! – перешла вдруг на плаксивый тон горничная. – С утра приказала не беспокоить.

– Людмила! – повысил в свою очередь голос Андрей. – Дуй отсюда! Покажи лучше Надежде Дмитриевне комнату для гостей. Она хочет принять душ... – Он обернулся и оглядел Надежду. – Подбери ей халат и... спортивный костюм или платье какое. Поройся в Татьянинном гардеробе, там пропасть всякого тряпья.

– Не надо платье! – быстро сказала Надежда. – Достаточно брюк и футболки.

Горничная бросила на нее откровенно негодующий взгляд и перевела его на Андрея. Открыла было рот, но Андрей ухватил ее за плечо и произнес с расстановкой:

– Я кому сказал, иди и помоги Надежде Дмитриевне!

Горничная дернула полным плечиком, язвительно фыркнула и, не глядя на Надежду, продефилировала мимо. Андрей же, толкнув дверь ладонью, вошел в комнату. Тотчас послышался возбужденный, с истеричными нотками, женский голос.

Надежда замедлила шаг, но дверь захлопнулась, и голос стих.

– Вы кто? – спросила горничная, поднимаясь неторопливо

по лестнице на второй этаж. – По дому работать будете или во дворе? – Она вышагивала важно, как королева, и вопросы тоже задавала важно, не поворачивая головы.

– Нет! – коротко ответила Надежда, но так, чтобы горничная поняла, что ее нужно оставить в покое.

Та оказалась догадливой и вопросы задавать перестала. Равно как и что-либо объяснять. Молча проводила Надежду до дверей спальни, бросила на постель полотенце и халат, прошла в ванную, покрутила краны горячей и холодной воды и удалилась с плохо скрываемым презрением на лице.

Надежда посмотрела ей вслед. Кажется, придется остаться в прежней одежде? Она оглядела себя в зеркало. Вид, конечно, неважнецкий, но если принять душ, вымыть голову, то ничего, сойдет! Здесь не модельное агентство, чтобы демонстрировать свои прелести.

Ванна ее порадовала. Новомодная, с гидромассажем. К тому же на полочках оказалась масса всякого приятно пахнущего добра, которого стоит немного добавить в воду, и через полчаса чувствуешь себя посвежевшей, помолодевшей и более терпимой к чужим недостаткам.

К тому же, по выходе из ванной, она обнаружила в комнате свой чемодан и сумочку. Проверила. Все на месте – документы, деньги, лицензия... Надежда с облегчением вздохнула. Наверняка Николай подсуетился. И в подтверждение тому обнаружила в кармане джинсовой куртки сложенную пополам бумажку. В ней была всего одна фраза: «Я тебя най-

ду!» Без подписи, без числа. И Надежда улыбнулась. Все-таки ей повезло с попутчиком. Каков молодец, позаботился, чтобы ее багаж не исчез в неизвестном направлении. От этой мысли она несколько повеселела. И когда горничная все-таки появилась, Надежда уже переделалась в светлые брюки и красную маечку без рукавов. Правда, майка слегка обнажала живот, но, дочь сказала, теперь так носят. Тем более если на животе ни одной складки...

Она снова оглядела себя в зеркало. Долгожданная встреча на самом деле совсем не прибавила ей радости. Тот, о ком она мечтала много лет, изменился гораздо сильнее, чем она ожидала, к тому же рядом с ним эта деваха! *Татьяна!* Надежда шепотом произнесла ее имя и скривилась. А чего, собственно, она ожидала? Что он тотчас ее узнает и бросится на шею? Да он и думать о ней забыл. Столько лет прошло, все быльем поросло! Впрочем, он никогда не давал ей авансов... Гуляли, танцевали, целовались... Месяц! Всего только месяц! И писем он ей не писал, не просил верно ждать... Надежда всегда это помнила и сейчас все прекрасно понимала, а тогда? Тогда, почти тридцать лет назад, что она знала в этой жизни, что понимала?

Евгений уехал в Новосибирск, а она несколько раз на дню справлялась у вахтерши общежития, не поступала ли почта, нет ли писем на ее имя? Только напрасно! Письмо так и не пришло! На следующее лето Евгений вовсе не появился, но она встретила его друга, и тот ей все рассказал – и про гене-

ральскую дочку, и про Москву...

Надежда рыдала как безумная, пыталась даже выпить какие-то таблетки, но ее вырвало, а в ванной, где она пыталась придумать, чем перерезать себе вены, ее нашла комендант общежития Вера Артемьевна, женщина лет сорока с редкой красоты лицом и безобразным горбом на спине. Она отвесила ей не столь сильный, сколь оскорбительный подзатыльник, привела в свой кабинет, напоила крепким чаем, а потом отвезла к себе домой.

В ее маленькой скромно обставленной квартире Надежда провела четыре дня. И навсегда врезались в ее память слова, которые Вера Артемьевна сказала ей на прощание:

– Никто и никогда, Надька, не сделает нас счастливыми, если мы сами о себе не позаботимся. Только своим трудом, только своим горбом, – она похлопала себя по искривленному плечу, – можно добиться чего-то стоящего в жизни. На чужой спине в рай не въедешь! И не горюй по этому парню! Но и не проклинай! Он ничего тебе не обещал! Поэтому чист перед тобой! Отпусти его с богом!

– Но мы целовались... – Это был ее единственный аргумент, который после долгих разговоров с Верой Артемьевной несколько потерял в весе, но именно он не позволял Надежде успокоиться.

Комендант покачала головой.

– Целовались, эка беда! Бога благодари, что не понесла от него!

Понесла?! Тогда она восприняла это как оскорбление. Но сейчас только улыбнулась! Те поцелуи и поцелуями нельзя было назвать, так, легкое касание губами щеки или мочки уха. Он за руку лишний раз боялся ее взять, не то что осмелиться на более решительные действия. И это притом, что числился завзятым сердцеедом. Девчонки косились и сплетничали за ее спиной, а иногда, будто случайно, показывали ей на какую-нибудь сногшибательную красавицу и шептали торопливо: «Женькина подружка в прошлом году...» или «А это его позапрошлогодняя. Говорят, жениться хотел...»

Но вид этих красавиц, таких ухоженных, разодетых, умело накрашенных, неожиданно прибавил ей уверенности в себе и в собственных силах. Она поняла, что ничуть не хуже этих самоуверенных див, а, вернее, даже лучше, если Евгений бросил их ради нее, сопливой, совсем недавно деревенской девчонки. Правда, хватило его всего на месяц. Ее он тоже бросил, как бросал, несомненно, всех, в ком переставал нуждаться. Как эту несчастную буфетчицу, мать Андрея, как генеральскую дочку, которая со временем тоже постарела, и Меньшиков сменил ее на более свежий продукт...

Надежда вздохнула. Но с какой стати он объявился тогда в Саратове? Откуда узнал, что она поступила в школу милиции? Хотя какие в том сложности? В общежитии все вахтерши были в курсе, что она бросила техникум и поступила учиться на милиционера. Единственная девушка на весь Белогорск...

Она опять вздохнула и переступила порог. Как ни тяни, а к обеду надо спуститься, и надо вести себя не просто сдержанно, а крепко стиснув зубы, чтобы никто не заметил, как гнусно, как пусто у нее на душе. Чтобы никто не понял, как разбита она и подавлена. Чтобы никто не догадался, как все-таки она хочет этой встречи и как отчаянно ее боится! Надежда перекрестилась, набрала полную грудь воздуха и стала спускаться по лестнице на первый этаж.

Из комнаты Татьяны не доносилось ни звука. Голоса раздавались справа, из-за двустворчатых дверей. И Надежда решила, что там, вероятно, и расположена столовая. Двери автоматически разъехались, пропуская ее в комнату. Надежда усмехнулась про себя. За хозяином не заржавеет поставить на входе металлоискатель, чтобы не уносили в кармане ложки и вилки. Эта зловредная мысль мелькнула и погасла...

Первым делом ее взгляд выхватил ослепительной красоты девушку, точь-в-точь такую, какую она за все золото мира не хотела бы видеть в своих соперницах. Она была белокура, голубоглаза, с полными, капризно изогнутыми губами. В ярко-голубом, обтягивающем, как чулок, платье с очень высокими, почти до талии разрезами на боках, она стояла возле открытого окна и нервно курила.

Надежда вошла, и девушка быстро повернулась в ее сторону. И Надежда почувствовала себя неловко. Зачем забивала себе голову, волновалась, переживала? Куда ей до этой небесной красоты? Молодой, уверенной, с крепкой хваткой!

«Ушел твой поезд, Надюха!» – подумала она тоскливо. – *Тридцать лет назад свалил и назад уже не вернется!»*

Девица молча окинула ее взглядом, выбросила окурок за окно и прошла к огромному овальному столу, сервированному на несколько человек.

– Татьяна! Опять твои кабацкие привычки?

Оказывается, Андрей тоже находился здесь. Его резкий голос раздался с противоположного конца столовой. И немудрено, что Надежда не сразу его заметила. «Олигарх» пристроился в дальнем углу на белом диване среди каких-то растений, покрытых множеством красных цветков с длинными тычинками. «Гибискус» – всплыло вдруг в памяти, но она не знала наверняка, откуда взялось это слово, и есть ли цветы с подобным названием.

– Еще один окурок за окно, и метлу в руки – подметать! – резко сказал Андрей и поднялся с дивана.

– Что ты себе позволяешь? – прошипела Татьяна. Лицо ее пошло красными пятнами. – Орешь на меня при посторонних! – Она покосилась на Надежду, которая так и осталась на пороге, не зная, что ей делать. Но Андрей уже шел к ней, широко раскинув руки. И улыбка у него была не менее широкая, и с ней он еще сильнее походил на Евгения, такого, каким она его знала уже не счесть сколько лет назад. Безумно походил!

– О! Надежда! Радость моих очей! Ты прекрасна и очаровательна! – Он обнял ее за плечи и повел к столу, не обра-

щая внимания на испепеляющие взгляды, которые метала в них Татьяна.

И Надежда подумала, что с этой дамой общий язык ей не найти.

– Проходи, проходи, Надежда свет Дмитриевна, – продолжал веселиться Андрей, – теперь твое место рядом со мной. Во веки веков! Аминь! – Он перекрестился.

Надежда хотела отстраниться и сказать все, что она думает по этому поводу. Но поняла, что спектакль рассчитан на Татьяну. Та тоже это поняла, потому что фыркнула и опустилась на стул следом за ними. С грохотом подтянула его и в упор уставилась на Андрея.

– Кого ты в дом притащил? – Она намеренно не смотрела на Надежду, и голос ее дрожал от злости. – Где ты ее подобрал?

Надежда внутренне напряглась. Она знала, что и как нужно сказать, чтобы эта девица заткнулась навеки.

Но Андрей успокаивающе похлопал ее по ладони.

– Тихо! Тихо! Привыкай! Обычно эта разминка у нас с утра, а сегодня слегка припозднились.

– Ты что себе позволяешь? – взвизгнула Татьяна. – Решил в пику отцу старуху завести? Янка указала тебе на дверь, так ты решил отомстить? Или на молодых уже не стоит?

Краем глаза Надежда заметила, как побелел Андрей и как заходили желваки на его скулах. Он отбросил салфетку и стал медленно подниматься...

И тогда Надежда поняла, что пришел ее черед.

– Сядь! – приказала она и даже дернула его за руку. И он покорно опустил на стул. – Милочка, – Надежда прищурилась и в упор посмотрела на разъяренную девицу, – разрешите представиться. Надежда Дмитриевна Карасева, – она бросила беглый взгляд на часы. – С двенадцати ноль-ноль сегодняшнего дня я – референт Андрея Евгеньевича. И попрошу не визжать на меня. – *Не визжать* она произнесла спокойно, но с той знаменитой расстановкой, которая для ее бывших подчиненных ничего хорошего не сулила. – И подобрал он меня *на дороге!* – не сводя с девицы глаз, в том же тоне продолжала Надежда. – Там, где его *чуть не убили!* Вам понятно? *Там, где его чуть-чуть не убили!*

– Чуть... чуть? Не убили? – Девица вытаращила свои и без того огромные глаза, которые, как по заказу, наполнились слезами, а губы задрожали. Она прижала ладони к щекам и трагическим шепотом произнесла: – Андрюша, это правда?

– Танька, брось! Не гони картину! – неожиданно добродушно сказал Андрей. – В кабаке своем играй или перед бабей выделяйся! А мне арапа не заправляй! Скучно мне! – Он повернулся к Надежде. – Ешь давай! Если будешь на наши скандалы внимание обращать, с голоду помрешь.

Татьяна в этот момент пришла в себя.

– Андрюша, как ты можешь? Что я тебе сделала? – вскричала она, лихорадочно промокая глаза платочком. – Почему ты так со мной разговариваешь при посторонних?

– Надежда, повторяю для особо тупых, не посторонняя. Надежда – мой референт! – Надежда могла поклясться, что Андрей говорил с теми же интонациями, что и она за пару минут до этого. – А ты уже сделала, что могла! И я тебе определенно скажу: если бы отец свалился с балкона, я бы тебя вместе с твоим патлатым жеребцом на куски порвал! И порву, если узнаю, что ты опять по ночным клубам шарилась и водку жрала с Сухостоем!

– Я? С Сухостоем? – Татьяна вскочила и, подхватив вазу с салатом, запустила им в Андрея.

Тот, словно ждал этого броска, очень ловко отклонился в сторону. Ваза с грохотом впечаталась в стену за его спиной. На обоях расплылось безобразное пятно. Но Надежда этого не видела. Она сделала то, чего сама от себя не ожидала, потому что всегда славилась отменной реакцией. Она рванулась к Татьяне, схватила ее за руки и резко дернула на себя. Та упала грудью на стол. А Надежда, как клещами, схватила ее за шею и прижала лицом к столу. Кажется, там стояло блюдо с какими-то закусками. Но блюдо отлетело влево, попутно круша все, что встречалось на его пути, подставка для салфеток – вправо, а Татьяна заголосила как резаная, вернее, завизжала и попыталась вывернуться.

Продолжая удерживать Татьяну, Надежда обошла вокруг стола и завела ей руки за спину. Та охнула и снова попыталась вырваться.

– Успокойся, – сказала Надежда, – от меня не убежишь!

– Сука! – закричала Татьяна в стол. – Старая сука!

Андрей поднялся из-за стола. Губы его презрительно кри-
вились.

– Уборка, матушка, за тобой! И пусть только кто посмеет тебе помочь! Уволю к чертовой матери! – Эта угроза предназначалась уже Людмиле и еще одной женщине в точно таком же форменном платье и с белой наколкой в волосах.

Они испуганно таращились с порога на сотворенное в столовой безобразие. Из-за их спин выглядывал охранник в черном берете и с резиновой дубинкой в руках.

Услышав про чертову мать, он тотчас исчез. А женщины замешкались.

– Я кому сказал! – рявкнул Андрей.

И женщин словно ветром сдуло.

«Да, – подумала про себя Надежда, – попала в семейку!»
Она отпустила Татьяну, и та мгновенно вскочила на ноги. На высокой груди повисло содержимое блюда с закусками. Оказалось, рыба в маринаде. Платье было безнадежно испорчено. Татьяна оттянула его, брезгливо стряхнула тушеную морковь и прочие овощи и всхлипнула. Затем перевела взгляд на Надежду. Руки ее лихорадочно шарили по столу. Надежда наблюдала, но с места не двигалась.

– Ты... ты... – Татьяне под руку попалась вилка, и она зажала ее в руке.

– Брось вилку! – сказала Надежда спокойно. – Дороже будет!

Но Татьяна вилку не отпустила и продолжала как заведенная:

– Ты... ты...

– Что, пластинку заело? – вежливо справился Андрей. – Я ведь ясно тебе сказал: Надежда – мой референт! К тому же полковник милиции и бывший начальник уголовного розыска!

Девушка побелела, бросила вилку на стол и поднесла сжатые кулаки к лицу, а потом завизжала, точно циркулярная пила на пилораме:

– Ты! Мусорка поганая! Паскуда! Ментяра долбаная! Как ты смеешь?

– Смеет! Смеет! – сказал весело Андрей. – Еще как смеет! На то она и ментяра! И если ты не заткнешься, повторит этот опыт снова.

– Андрей, – Надежда взялась за спинку стула. – Я не хочу тут оставаться. Это твои семейные дела...

– Нет! – неожиданно грубо сказал Андрей, а возле губ у него появилась жесткая складка. – Нет, – повторил он, – из-за стола уйдет Татьяна. Не беспокойся, она найдет, где поужинать. А мы останемся! Здесь! В моем доме! – он хлопнул ладонью по столу и крикнул: – Людмила! Живо убрать со стола и накрыть снова! На двоих!

Не говоря ни слова, Татьяна опрометью выскочила из столовой.

Глава 6

Обед, вернее, ранний ужин прошел в полном молчании, лишь изредка они перебрасывались короткими фразами. Андрей предлагал ей то одно, то другое блюдо. Надежда из вежливости не отказывалась, но абсолютно не чувствовала вкуса. У нее окончательно пропал аппетит, и ела она по той причине, что понимала: после того, как волнение уляжется, голод проснется с удвоенной силой, а неизвестно, какие порядки в этом доме, удастся ли поесть еще раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.